

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Арка Купидона

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Арка Купидона

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гармаш-Роффе Т. В.

Арка Купидона / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
2022 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

ISBN 978-5-04-172522-8

Когда Реми Делье, парижский детектив, взялся за дело по поиску наследников богатого финансиста Этьена Пасье, он и не предполагал, с каким клубком загадок ему придется столкнуться. Втроем – Реми с женой Ксенией и старинным другом Алексеем Кисановым – детективы распутывают этот клубок ниточку за ниточкой. Разгадки приходится искать в Москве, в Париже и даже на Балеарских островах. Тем временем темное прошлое настигает Анжелу, бывшую возлюбленную Этьена. Под угрозой не только она сама, но и люди, вовлеченные в орбиту семьи: первым при загадочных обстоятельствах гибнет муж Анжелы. А следующие в списке – ее сыновья! Реми должен срочно понять, что случилось много лет назад, чтобы выйти на след мстителя раньше, чем он сумеет убить всех членов семьи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172522-8

© Гармаш-Роффе Т. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

От автора	8
Париж	9
Москва	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Арка Купидона

© Гармаш-Роффе Т.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Искусство детектива Татьяны Гармаш-Роффе

- Татьяна Гармаш-Роффе отлично знает, каким должен быть настоящий детектив, и следует в своих романах законам жанра.
- Театральный критик, она умеет выстраивать диалоги и драматургию чувств. Неординарная личность, она дарит часть своей харизмы персонажам.
- Непредсказуемость сюжетных поворотов, точность в логике и деталях, психологическая достоверность в описании чувств – таково ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА Татьяны Гармаш-Роффе.
- Главный герой ее романов – частный детектив Алексей Кисанов, или просто Кис.
- По четырем романам Татьяны Гармаш-Роффе снят телевизионный многосерийный фильм «Любить и ненавидеть».

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ

Арка Купидона

Москва
2022

От автора

Этот роман не совсем обычный. Он не похож на классический детектив, где о преступлении становится известно с первых же страниц. Здесь читатель окажется вовлечен вместе с моими същиками в историю о поиске наследников. Начавшись вполне банально, она становится все загадочней и загадочней, неумолимо затягивая всех ее участников в темные тайны прошлого.

Сюжет романа основан на реальных событиях.

...Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...

Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой...»

Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.

М. Лермонтов, «Мицъри»

...В воде невозможно дышать! Кажется, она знала об этом раньше, но все равно изумление и отчаяние охватили ее. Девочка рвалась изо всех сил наверх, извивалась, как водяная змея, чтобы высвободить ногу и добраться до поверхности, до воздуха. Один раз ей это даже удалось! Она успела коротким мощным вдохом набрать побольше воздуха в легкие, но снова ушла под воду и снова продолжала вырываться из пут, хотя силы кончались, она чувствовала – силы ее кончались...

Вдруг что-то потащило ее к скалистому камню – она видела сквозь толщу воды, как неумолимо приближается его черная громада. Голова ее ударилась с размаху о его ребристый бок и...

И всё. Свет погас. Вместе с памятью и жизнью.

Париж

– ...И вот Кис им говорит: «Ваш отец тяжело болен и хочет составить завещание в вашу пользу». А они: «Какой еще отец? Наш умер три года назад!» Представляешь?

Реми убрал телефон в карман.

– Ну умер, да завещание оставил, чего тут такого, – пробормотала Ксения, не отрывая взгляда от экрана ноутбука.

Реми посмотрел на жену. Заходящее солнце, проскользнув лучом в настезь открытое окно, окрасило игриво-розовым ее плечо. Похоже, Ксюша мужа не слышала: она сосредоточенно постукивала по клавиатуре. Наверное, над книгой работала. Она уже давно решила писать романы, причем детективные, хотя пока ни один из ее замыслов не превратился в законченный текст. Реми из-за этого ничуть не переживал – напротив, радовался, что жена нашла занятие по душе. Ксюша тоже не унывала. Роман – ее хобби, которому она посвящала время тогда, когда душе было угодно. Ничто и никто ее не торопил. В деньгах они не нуждались – хоть богатыми себя не считали, но заработков Реми, частного детектива, хватало на жизнь вполне комфортную. Славы Ксения тоже не искала, тщеславие не тревожило ее душу. Так что писала она исключительно тогда, когда писалось. Как сейчас.

– Ты все прослушала, признайся, негодница!

– Муза... – рассеянно произнесла Ксения. – Муза, представляешь, напала, как придумала. Вот пишу под ее диктовку.

– Счастливые люди, писатели. Мне бы кто нашептывал разгадки...

– Что-что?

Взгляд жены по-прежнему устремлен на экран, она его не слышит. Ладно, не впервой. Реми пошел на кухню, запустил кофейную машину. Заслышав звук, Ксюша крикнула: «Мне тоже, пожалуйста!»

Она работала в гостинной. У них имелась неплохая трехкомнатная квартирка в пятнадцатом округе Парижа с видом на самый верх Эйфелевой башни: гостиная, спальня и кабинет Реми. Когда Ксюша переехала к нему, он предложил оборудовать там письменный стол и для нее: компьютер ведь необходим всегда. Однако Ксения отказалась. Она предпочитала кочевать со своим ноутбуком, – который звала «букой» – в зависимости от настроения. Сегодня оно привело ее в гостиную, где Ксюша устроилась на клетчатом диване, скрестив ноги и угнездив «буку» меж коленок.

Реми придвинул кофейный столик (на колесиках, удобно!) к этому самому дивану, принес две чашки. Ксения оторвалась от компа.

– Спасибо, мон кёр¹. Так что ты хотел мне рассказать?

Светло-зеленая майка на бретельках обнажала ее плечи, натягивалась на груди, свободно струилась на талии и заканчивала свой бег, уткнувшись в джинсовые шорты. Ксюшины дивные волосы, – длинные, каштановые, волнистые, сведшие его с ума в первый же день знакомства в Москве, – сегодня были заплетены в косу и уложены вокруг головы. Красота такая, что глаз не оторвать. Реми смотрел на жену и не мог понять: как он два года назад оказался на грани измены? Мало того что Ксения хорошенькая, грациозная, умненькая, так у нее еще и характер чудесный, легкий. Не жена, а подарок...

Но в какой-то момент совершенство показалось пресным. К тому же Ксюшина ребячливость, наивность вдруг стали его раздражать. Хотя он прекрасно знал: она не наигрывает, она действительно такая...

¹ Мон соеиг – мое сердечко (*фр.*).

Невероятно, непонятно. Ему вдруг захотелось не-совершенства. Чего-то остренького. Даже горького. Потому что совершенство чересчур сладко.

От измены его удержал не разум, не моральные соображения, не чувство долга – случайность. Яркая темпераментная брюнетка с дерзким ртом, к которой он направлялся «в гости», неожиданно оступилась, выходя из машины. Упала она неудачно, сломала ногу. В итоге Реми оказался в тот вечер отнюдь не на любовном ложе, а в больнице, куда доставил несостоявшуюся любовницу.

После этого происшествия они еще месяц с лишним осуществить задуманное не могли – по состоянию ее здоровья, так сказать; а там и пыл Реми охладел, уступив место чувству вины и раскаянию.

Разумеется, вина и раскаяние не способны помочь в делах любовных, – не те это эмоции, от которых рождается (или возрождается) страсть. Реми Ксюшу любил, она стала ему родной, и даже желание привычно поднималось в нем, когда он ощущал ее тело рядом. Но что-то утрачилось. И он опасался, что безвозвратно.

Ксения, если и заметила перемены в поведении мужа, то ничем себя не выдала. Была, как всегда, легка, ласкова, смешлива и беспечна. Разве только стала больше интересоваться его расследованиями, но это Реми не удивило: она ведь детективные романы сочиняет.

В скором времени Реми привык рассказывать жене о ходе следствия и даже советоваться с ней. Более того, она вызвалась помогать ему в слежке за объектом. Ксении невероятно нравились эти приключения – иначе их и не назовешь, поскольку приходилось часто переодеваться, менять облик и даже манеру держаться, – этакая смесь театрального действия и шпионского фильма. А Реми смотрел на жену и каждый раз видел в ней новую женщину. Что было возбуждающе пикантно.

Неожиданно их союз приобрел новые грани: совместная деятельность, к тому же интеллектуальная, к тому же с элементами игры, очень сближает. И укрепляет. И вносит разнообразие. Они даже решили немного отодвинуть план деторождения, их жизнь стала настолько увлекательной, что ничего не хотелось в ней менять. Ну, пока, по крайней мере. На детей еще будет время. А сейчас они счастливы друг с другом.

– Ксю, мне только что звонил генеалог.

– Хм. Похоже на «гинеколог». Но догадываюсь, что это от слова «генеалогия».

– Твоя проницательность меня восхищает, дорогая, – съехидничал Реми.

– Он на твоём генеалогическом древе нашел сочный плод в виде богатого дядюшки из Америки?

– Нет, я получил работу.

– Тоже неплохо, – кивнула Ксюша, отпив кофе. – И какую же?

– Довольно странную. Ты знаешь, что генеалоги часто работают по заказу нотариусов, чтобы разыскать наследников, о которых никто ничего не знает. Человек умер, осталось некое состояние, прямых наследников нет, и тогда генеалоги начинают рыть. До шестой степени родства, кажется. Случается, ищут в других странах...

– Да, слышала о них... А у нас нет шоколада?

– Ты имеешь в виду плитку или какао-порошок для горячего?

– Плитку, конечно. Мне нужен кусочек шоколада к кофе.

– Должен быть, если ты весь не съела.

– Где?

– Посмотри в холодильнике. Лето жаркое, нельзя его просто в шкафчике держать.

– Точно, ты мне говорил!

Ксения соскользнула с дивана, метнулась в кухню. Хлопнула дверца холодильника, и Ксюша вернулась, торжествующе размахивая четвертушкой плитки.

– Надо будет завтра купить еще, это последний... Так что там у генеалогов приключилось?

Реми немного раздражала ее манера постоянно отвлекаться от предмета беседы, но, к чести жены, следовало признать: она практически никогда не теряла нить разговора.

– Представь, какая вышла странная история: один мужчина, тяжело больной, призвал нотариуса в больницу...

* * *

...Этьен Пасье знал, что умирает. Его сжирал рак. Врачи делали все, чтобы облегчить ему страдания, им это даже неплохо удавалось, но Этьен не обольщался и не принимал отсутствие боли за улучшение. Ему пообещали два месяца, максимум три, и теперь он с удивлением обнаружил, что у него появилось свободное время. Абсолютно пустое, ничем не занятое время, чтобы поразмыслить о прожитой жизни.

Никогда раньше Этьен о ней не размышлял: он по ней бежал. Дела вечно толкали вперед, некогда было даже голову повернуть назад – увидеть, что там осталось, за спиной. Да и сейчас он бы по своей воле оборачиваться не стал. Однако теперь, когда он оказался в ловушке свободного времени, мысли напали на него, как бандиты. Жестокие, беспощадные, неумолимые, они принялись терзать его, методично нанося удар за ударом, рану за раной.

ЖИЗНЬ НЕ СЛОЖИЛАСЬ – вот что они выбивали барабанной дробью в его мозг.

Он крутил головой на подушке, будто пытался уклониться от очередного удара. Но тот снова и снова его настигал: *напрасно жил, впустую прожил. Карьера сложилась, а вот жизнь...*

Карьера. Каким пустым стало это слово сейчас, когда от жизни остался лишь жалкий клочок. Всё, чему Этьен посвятил себя, превратилось вдруг в пшик. В лужу от растаявших дней. Бессмысленную, бесславную, бесполезную.

Почему так? Почему он раньше не знал, не предвидел? Не понимал...

Собственно, что значит *жизнь*? В чем ее смысл, ее соль? Этьен был финансистом, не философом, и затруднился бы внятно ответить на свой вопрос, но интуитивно понимал: если жизнь удалась, то перед смертью вспоминаешь хорошее. Мгновения, когда тебе было радостно.

И когда же Этьену было радостно? Когда проворачивал удачную сделку? Когда хвалили и благодарили за умножение прибылей? Это было приятно, да. И чувство удовлетворения, и гордость за отлично сделанную работу, все так. Но *радость*? Нет, не потянет.

Радость – настоящую, бешеную, головокружительную – он ощутил лишь однажды, когда влюбился. Любовь – вот радость.

Любовь?

Да что это вообще такое, любовь?

Родительской любви он не помнил. Опека, забота, строгие требования к поведению, внешнему виду, учебе – все это было, да. Он с детства привык к спартанскому образу жизни и дисциплине: в школе участвовал в скаутском движении, ходил в походы, учился обходиться малым. В семье за малейшее отклонение от предписанных правил наказывали Этьена строго, а вот поощрение... Только чуть больше карманных денег. Ни ласки, ни поцелуя. Тон задавал отец, мать ему вторила, как безликая ученица-зубрилка. Родители никогда не прижимали его к себе, не обнимали. Их тела, их запах навсегда остались для него неродными. Даже враждебными: наверное, так дикие звери воспринимают чужака. Помнится, даже когда отец заболел, Этьен не сумел до него дотронуться, поцеловать впалую щеку. С огромным трудом принудил себя коснуться губами холодного отцовского лба в гробу. С матерью вышло проще: после смерти отца она уехала жить на юг к своей сестре, на роскошную виллу на берегу Средиземного моря. Там же и умерла. Доставили тело в Париж для похорон в свинцовом гробу – погода

стояла жаркая в то лето, – да так и не открыли для прощания. И Этьену не пришлось целовать материнский лоб.

Родительское воспитание не могло не повлиять на отношения Этьена с женщинами. Наверное, потому он вырос зажатый, брезгливым, и даже на пике плотского желания избегал целовать девушку. Совершить половой акт мог, но без поцелуев. Без ласк. Он не умел, не знал, как это делается, и не хотел. Хотя девушек, пытавшихся завести с ним отношения, было немало. Еще бы, получив огромное состояние от родителей, Этьен быстро его приумножил, став завидным женихом. К тому же он был вполне хорош собой: голубоглазый шатен с приятной улыбкой, искусственность которой мало кто распознавал, люди ведь падки на форму, не на содержание.

В тридцать девять лет он еще не был женат, знакомые поговаривали, что он гей, хотя в однополых отношениях Этьен замечен не был.

И вдруг – она. Невыносимо красивая. Нестерпимо сексапильная. Черные кудри струились до ягодиц, глаза-миндалины, брови взлет. И белоснежная кожа. И тончайшая талия. И небольшая, прекраснейшей формы грудь. А уж от линии бедер, от контура ягодиц, угадывавшегося под тонким платьем, вообще дыхание останавливалось. Таких женщин он раньше не видел. Вообще никогда, если не считать картинок в комиксах.

Оказалось, она русская². И звали ее Анжелика.

Русских он до этого момента тоже никогда не видел. Разве что по телевизору, где о них говорили очень нелестные вещи.

Но кто же верит телевизору? Этьен, занимая высокий пост в одном крупном инвестиционном фонде, водил дружбу со многими известными в различных сферах людьми, в силу чего имел доступ к негласной информации. И он отлично знал, до какой степени информация «беспристрастных» журналистов тенденциозна, а то и вовсе лжива, поскольку управляется всего лишь узким кругом заинтересованных лиц.

Анжелика была совсем не похожа на тех русских, о которых писала французская пресса. Только, пожалуй, излишне открытой одеждой, что привлекало к ней восхищенные взгляды всех встречных мужчин. Но такую красоту грех скрывать, право. К тому же держалась Анжелика с редким чувством достоинства. Начитанная, она отлично разбиралась не только в русской, но и во французской литературе, по-французски говорила почти без ошибок. Не сказать, чтобы она обладала прекрасным вкусом и манерами – скорее, была манерна. Но вкус – дело наживное. Анжелика впервые приехала во Францию и наивно полагала: раз модная вещь куплена в дизайнерском бутике, то она непременно хороша. Собственного вкуса (то есть внутреннего критика) у девушки попросту не имелось. Ей и в голову не приходило, что чрезмерно открытые наряды, мини-юбки и глубокие декольте выглядят вульгарно: как такое может быть, ведь она купила их у самых-самых знаменитых кутюрье!

Этьен мягко, без напора, взялся за воспитание ее вкуса. Она смеялась, удивлялась, шутила – и никогда не обижалась. Ко всем прочим достоинствам она еще обладала отличным чувством юмора.

Познакомился с ней Этьен на одной вечеринке – Анжелику туда привели друзья, у которых она гостила, – и влип сразу же, как оса в мед. Стал приглашать то на ужин в лучшие рестораны Парижа, то в Оперу, то в элитные клубы, а через две с половиной недели она неожиданно поселилась у него. К собственному изумлению, он сам ей предложил. А куда было деваться? Иначе бы она улетела! У нее кончалась виза!

Он не мог допустить, чтобы она улетела из его жизни.

² После падения «железного занавеса» в Европе и Америке русскими называли всех выходцев из СССР.

Тогда во Франции было сурово – никаких нелегалов. Это сейчас все вдруг стали добренькие: живи в стране сколько влезет, даже без документов. Но тогда, чтобы удержать Анжелику, требовалось легализовать ее пребывание во Франции. И он, закоренелый холостяк, решился – предложил пожениться. Через каких-то три недели после знакомства! Раньше, бывало, он по три года мурыжил девушку и все равно не женился. А тут – три недели.

Но ведь нельзя, чтобы она улетела!!!

Казалось, Анжелика была счастлива. Так обнимала его, так страстно целовала, а уж в постели просто с ума сводила. День свадьбы назначили через месяц, на октябрь, – раньше никак нельзя было, такие порядки. Он решил все обставить скромно, ведь не сезон: обычно ждут лета, чтобы в каком-нибудь замке отпраздновать, используя и лужайки, и парк, и залы с сотней-другой гостей. Но он на все наплевал. Он любил ее, боже, как любил! На все был готов. Даже нарушить традиции. Ведь приличные люди *так* свадьбы не справляют. Но тогда в нем бурлила невиданная радость, и он с легкостью отмахнулся от всего, что годами вбивали в его мозг родители. Люди из *высшего общества*.

«В нашей русской литературе, – а это великая литература, ты ведь не станешь спорить! – говорила Анжелика, и глаза ее блестели. – Главным считается жизнь души. Чувства. Любовь. А ты привык в своем *высшем обществе* считать главным социальное положение. Деньги. Бренды. Все внешнее, – грустно качая головой, говорила прелестная Анжелика. – Но на самом-то деле важно только внутреннее! Жизнь души!»

И он с ней соглашался. Это ведь абсолютно верно! Почему он сам об этом до сих пор не думал? Возлюбленная открыла ему глаза на истину. Она была умна, хорошо образованна – и в искусстве разбиралась, и в психологии, и философов цитировала, – а чего не знала, тому училась с лету. Он только диву давался. И в то же время она была веселая, остроумная, легкая... Чудо какое-то.

Анжелика освободила его от всех зажимов, всех оков, всех проклятий его детства. Она объяснила Этьену, в чем его проблема; научила, как избавиться от брезгливости и полюбить чужое тело... И с тех пор они постоянно ребячились, шутили, смеялись, он почти не выпускал ее из своих рук: он познал счастье прикосновений, блаженство ласки. Он упивался ее запахом, он постоянно совал нос в ее густые волосы и вдыхал, вдыхал ароматы любимой женщины...

А пока они жили вместе, как муж с женой. И вскоре, за десять дней до свадьбы, она сказала, что беременна. И тест показала. Он не верил такой удаче: сразу и жена, и ребенок! Сразу, одним махом, семья! Он уже почти перестал мечтать о ней...

Этьен завалил Анжелику подарками. Не отказывал ни в чем. Украшения? Пожалуйста! Бутики? Вперед! В спортзал? Ради бога! Бассейн, массаж, косметолог, диетолог – да что угодно! Она была его божеством, его счастьем, которого он ждал всю жизнь.

И вдруг...

...Он уже представил Анжелику друзьям (строго говоря, их у него не было – так, приятели), которых собирался пригласить на скромную свадьбу. У мужчин горели глаза, когда они смотрели на его маленькую прелестницу, и ему хотелось смеяться вслух: я вас сделал, а, мужики?! Вы шептались за моей спиной – мол, старый я холостяк и у меня наверняка проблемы, то ли с головой, то ли в трусах. А вот, накось-выкуси, я выиграл самый крутой приз!

Ну а женщины, натурально, кривили губы, и ядовитое облачко шепота плыло по его гостининой: «вульгарна, нет вкуса, слишком себя выставляет», тра-та-та...

Поэтому, когда одна из них, Магали, позвонила ему и сообщила, что видела его невесту в спорткомплексе с молодым мужчиной в весьма двусмысленной ситуации, Этьен ей не поверил.

– Ты отупел от любви, приятель, – хмыкнула Магали. – Но я не хочу, чтобы ты приобрел рога еще до женитьбы. Сам представляешь, как все наши будут над тобой издеваться. Сейчас они пускают слюни от зависти и будут счастливы, если ты облажаешься. Давай так: поезжай

туда и собственными глазами посмотри. Она не особо шифруется: думает, что знакомых там нет, прятаться не от кого. И то правда, я почти случайно туда сегодня поехала. Вдруг подумала: что же я абонемент оплачиваю, а ходить не хожу. Надо хоть иногда... Короче, мужчина в спорткомплексе тренер. Какой именно, не знаю. Там и тренажерный зал, и фитнес, и бассейн с гимнастикой. Но ты его опознаешь без труда: высокий мускулистый блондин. И, кажется, русский. По крайней мере, мне слышалось, что говорили они между собой по-русски. Когда войдешь, посмотри направо: там, возле лифтов, есть что-то вроде портика, за которым коридор. Так вот, я их видела за одной из колонн этого портика... И знай, Этьен: я никому об этом не расскажу. Реши проблему, как считаешь нужным, а на мое молчание можешь положиться.

Этьен онемел от услышанного. Судя по голосу приятельницы, усталому и грустному – не злорадному, нет, – она говорила правду. Он выдавил из пересохшего горла «Спасибо, Магали» и отключился.

На следующий же день Этьен поехал в спорткомплекс. И увидел. До портика даже не пришлось идти: Анжелика целовалась с блондином прямо у входа в комплекс. И целовалась так, что сомнений в природе их отношений не оставалось.

Ему, Этьену, Анжелика говорила, что он прекрасен. Что любит его тело. Он был мелковат и худоват – такой не слишком свежий тридцатидевятилетний пацан – и никогда не считал себя физически привлекательным; но она убедила его. Когда любишь человека, говорила она, любишь в нем все. Даже его недостатки. И Этьен поражался глубине этой мысли.

И еще она говорила, что влюблена в его душу. Благородную, редкую, возвышенную. Потому что для русской женщины, воспитанной на великой русской литературе, нет ничего важнее души. И он снова ей верил.

А у этого, с бицепсами, в теле вовсе не было места, где помещается душа. Там все мясом заросло. Но с ним она целовалась на глазах у всех посетителей спорткомплекса... Беременная ребенком Этьена... За неделю до их свадьбы...

Или ребенок от этого мясного тельца?!

Он крадучись вернулся к своей машине. Она его не заметила.

Он спрашивал себя: куда ушла ее любовь, почему, отчего?

И когда?! Когда Анжелика успела его, Этьена, разлюбить?!

Ведь надо сначала одного разлюбить, чтобы потом другого полюбить... Ведь так?

Он промучился пару дней, пока неожиданно не осознал: да все куда проще! Она его, Этьена, никогда не любила.

Никогда.

Она ему лгала. Умело, искренне, красиво. У нее редкий талант лгуни. Наверняка использовала его в жизни уже не раз...

Он отменил свадьбу. Выставил Анжелику из дома и сказал, чтобы забыла его адрес и телефон.

Она все-таки звонила. Плакала. Что-то плела – мол, он все неправильно понял.

Но что можно понять неправильно, когда мужчина и женщина втягивают губы друг друга? Счасть дружеским поцелуем?

Ту гору мускулов она, возможно, тоже не любила, но это Этьену было до фени. Он ей так и сказал. Дело не в ревности, сказал он, а во лжи.

А она все равно звонила. И говорила, что у них – у НИХ! – скоро будет ребенок. Но раз она врала о любви – могла и о беременности наврать. Тест – а кто знает, ее ли тест? Могла у какой-нибудь подруги взять. Она лгунья, а такие отлично умеют обставлять свое вранье.

Последний раз она набрала его номер, чтобы сообщить: у них будут близнецы. Мальчишки.

Ложь, ложь, ложь.

На этот раз он послал ее очень резко. Грубо.

И больше она не появлялась в его жизни. Никогда.

А он сжал свое сердце в кулак и выдавил оттуда Анжелику, как гной из прыща. И, освободив свою душу от любви, заполнил ее работой. Карьера его, и без того отличная, взмыла ввысь с космической скоростью. Он работал днем и ночью, чтобы не оставить в мозгу даже крошечного места для мыслей об Анжелике.

Через год он женился на Магали. Она, по крайней мере, повела себя как настоящий друг. Но он ее не любил.

Прожил он с Магали, не слишком понимая зачем, четыре года. Она хотела ребенка, он просил подождать: мол, пока не готов. Но Магали не дождалась. Ушла. «От тебя меньше проку, чем от новогодней елки. Как и ты, она мертвое дерево, но на нее можно хоть яркие гирлянды повесить и порадоваться. А ты безрадостный. Ты дохлый и тухлый», – сказала она на прощание.

Прошли годы. Его интересовала только работа. Его мозг жадно решал задачи, прокручивал схемы, составлял комбинации. Он мог бы стать великим шахматистом, но финансовые схемы приносили не только интеллектуальное удовлетворение, а еще и бешеный доход. Великолепная награда за его блестящий ум. Не каждый поймет, но в этом был огромный кайф, который заменял все остальное, чего не имелось в его жизни. И утраченное счастье любви, и непознанную радость отцовства. По крайней мере, люди говорят, что быть отцом – это радость. А он ее не испытал. И не знал. Может, люди лгут. Может, нет. Какая разница? У него была своя радость: находить блестящие решения сложных задач и получать за это щедрое вознаграждение. Чего еще надо, собственно?

Так он жил и радовался своей жизни – а она взяла да кончилось. И оказалось, ничего у него нет. Ни одной близкой души. Через пару месяцев его не станет, и некому будет о нем пожалеть. На похороны придет множество разных людей, но среди них не будет ни одного, для кого его уход станет потерей.

Паршиво так умирать. Будто жизнь прожил напрасно.

Собственно, почему «будто»? Так и есть: напрасно. Денег заработал немерено – да куда их теперь? Он умирал на больничной кровати, времени у него было до отвала: впереди вечность, как говорится, – и целыми днями думал, пытаясь хоть за что-нибудь зацепиться, чтобы ощутить смысл своего пребывания на земле. Зачем жил-то? Что после себя оставил?

Во всем виновата подлая Анжелика. Это из-за нее он отказался жить и любить. Она отравила его мозг своим враньем...

Она была столь прекрасна, эта лживая сука. Она была столь прекрасно лжива. Если бы у него сейчас оставалось время – и силы, конечно, – он бы ей отомстил. Он бы наказал ее за свою разрушенную жизнь!

Но на больничной койке не повоюешь...

И вдруг Этьен вспомнил о беременности Анжелики. А если она все-таки...

В конце концов, он же с ней спал! Значит, Анжелика вполне могла залететь от него. А тот, гора мышц, – еще не факт, что у него гора сперматозоидов наличествовала!

Анжелика сказала тогда, что все равно будет рожать. Близнецов. Если не солгала. Но если все-таки сказала правду, то и родила двух пацанов. Которые, возможно, его сыновья!

Почему он тогда не поверил? Ведь все могло повернуться иначе. Если это были его мальчики, жизнь наполнилась бы смыслом...

Но как он мог поверить, когда она все время лгала? Она наговорила ему столько красивых слов – таких важных, глубоких, умных, – что из них выстроился радужный замок счастья, в котором он блаженствовал несколько недель. И от одного ее поцелуя с тем блондином замок рухнул. Растаял, развеялся, превратился в едкий дым. Оставил его, Этьена, растерянного и убитого, посреди обломков лжи. Как же он мог ей поверить, спрашивается?! А генетические экспертизы в то время еще не делали... Да и признай он тогда мальчишек, Анжелика бы все

эти годы тянула из него деньги. Ведь ясно же, для чего она с ним, с Этьеном, сошлась. У нее был спортсмен-любовник, а он, «старый мальчик», интересовал ее исключительно в качестве кошелька!

Этьен застонал от до сих пор не утихшего унижения и повернулся на левый бок. Так меньше ныло в животе.

Да, мальчишки. Если они и в самом деле были. Если и вправду их двое. Если Анжелика не сделала аборт. Если родила. И в особенности если это его дети...

Его сыновья?!

А ведь он мог бы разыскать их уже давно. И анализ ДНК сделать. И уже бы знал правду... И оставил бы им сейчас все, что заработал, накопил. И тогда его жизнь, его богатство, приобрели бы смысл: он завещал бы плоды своих блестящих трудов сыновьям!

Злая ирония ситуации заключалась в том, что, если бы не рак, не больничная постылая койка, он и не вспомнил бы о них. Но тут, видите ли, своей жизни смысл придать захотелось. А дети – разве это не смысл?

И Этьен вдруг понял, что важнее дела у него никогда не было. За всю его долгую жизнь, от которой теперь остались, по прогнозам врачей, лишь пара месяцев, и то в лучшем случае.

Он нажал кнопку вызова. Когда медсестра явилась, распорядился привести врача. А тому велел найти нотариуса, самого лучшего, способного разыскать наследников... Потому что он желает незамедлительно составить завещание.

Нотариус явился на следующее же утро, и Этьен Пасье рассказал ему все. Никогда бы, никогда не посвятил бы он постороннего в подробности своей жизни, и в особенности своих неудач! Но близкая смерть меняла привычки и ценности. Самолюбие – пшик, прах, цена ему не больше гнилого яблока или раздавленной улитки, попавшей под каблук после дождя. Этьен рассказал нотариусу все без утайки, не щадя ни себя, ни Анжелику. На кону стояло спасение его жизни от бессмысленности и ничтожности. Если это его сыновья, то...

*Notre Père, qui es aux Cieux,
Que ton nom soit sanctifié,
Que ton règne vienne...*

Бывший скаут, он не забыл слова «Отче наш».

* * *

– Зовут его Этьен Пасье, – продолжал Реми, – он тяжело болен, практически при смерти. Нотариус рассказал мне его историю вкратце. Когда-то у него был роман с русской девушкой. По паспорту она Анжела, но представилась ему Анжеликой.

– Тогда у всех еще были свежи впечатления от эротического фильма про Анжелику. «Анжелика, маркиза ангелов» и далее, – хмыкнула Ксюша. – Наверняка она потому так и назвалась.

– Не исключено, – согласился Реми. – Как бы то ни было, он влюбился. И собирался на ней жениться. Однако она ему изменила. Этьен, узнав об этом, разорвал с ней отношения незадолго до свадьбы. Анжелика умоляла ее простить, утверждала, что забеременела от него, причем близнецами, мальчиками, но Пасье ей не поверил, ведь она обманщица и лгунья. Однако сейчас, в думках о смерти, он решил проверить: а вдруг она сказала правду и близнецы действительно существуют. Позвал нотариуса, объяснил ситуацию и поручил разыскать этих парней. Им теперь должно быть по двадцать восемь лет – если они и впрямь существуют, конечно. Он предоставил полную информацию об Анжеле Багировой: ведь он собирался жениться, отдал ее документы на перевод для подачи заявления в мэрию. Видишь, как интересно: бракосочетание

он аннулировал, но все данные этой женщины запомнил... На всю жизнь. Любил ее сильно, видать.

– Или сильно страдал. Боль тоже не забывается.

Реми посмотрел на жену. Хорошо сказано, точно. Он кивнул, соглашаясь.

– Так вот, нотариус нанял генеалога, – продолжал Реми, – и тот собрал о ней максимум информации. Для начала откопал ее следы во Франции: спустя десять с лишним лет после разрыва с Этьеном она вышла замуж за некоего месье Франсуа Дюваля. Его фамилию присоединила к своей и стала мадам Анжела Багинова-Дюваль. И, внимание, интересный факт: месье Дюваль усыновил ее двух сыновей-двойняшек. Им было в то время по десять лет, сечешь, Ксю? Даты сходятся: это те самые близнецы, в существовании которых усомнился Этьен Пасье. Они носили фамилию матери, Багировы, поскольку в графе отец стоял прочерк. И стали, как мать, Багировы-Дюваль. Микаэль и Даниэль.

– Интересно, почему мать дала им французские имена? Ведь в момент их рождения она не была замужем за французом, как я понимаю.

– Нет, во Франции никакого брака до Дюваля не зарегистрировано.

– Возможно, мальчики звались Миша и Данила... При усыновлении в соответствующей службе предложили дать детям французские имена, тут ведь так делается. И Анжелика охотно согласилась. Она ведь смолоду рвалась во Францию. С Этьеном не вышло, зато получилось с другим. Спустя десять лет. И что она делала все эти годы? Чем занималась, где жила?

– Трудно сказать. Гражданства у нее не имелось, пока она не получила его в связи с замужеством. Значит, если она и приезжала во Францию, то только по туристической визе.

– Конечно, приезжала, а то как бы нашла себе мужа! Кто он такой, кстати?

– Винодел. Богатый человек, ему принадлежали виноградники в Бургундии. Он был намного старше ее.

– *Принадлежали?*

– Да, он скончался около пяти лет назад. Мадам унаследовала большое состояние и, похоже, вернулась в Москву. Во всяком случае, генеалог обнаружил ее следы там.

– Странно. Она ведь так упорно рвалась во Францию. Даже после разрыва с Пасье нашла себе мужа-француза. И с чего бы ей возвращаться в Москву?

– Думаю, она к тому времени получила все, к чему стремилась: французское гражданство и большие деньги. А в Москве жить с большими деньгами, как заметил Кис, куда веселее.

– Ты уже и Алешу подключил?

Ксения избегала называть мужа своей старшей сестры «Лешей» во Франции, поскольку «лё ша» – это по-французски кот. Существуют, конечно, мужчины-котики, но Алексей Кисанов не из их числа.

– А мне до сих пор не рассказал? – продолжала она. – История – готовая завязка для романа!

– Я Алексея не то чтоб подключил... Тут вот как вышло: обычно нотариус связывается с коллегами в другой стране, и все дальше идет через тамошнюю нотариальную палату. Но господин Пасье заявил, что завещание пока писать не станет, – хочет сначала получить максимум информации об этой женщине, Анжелике, и ее сыновьях. Выяснить, его ли дети. Поэтому нотариус обратился ко мне. Я с ним уже работал – мэтр Бонфис, помнишь? – и он обо мне высокого мнения. Хотя в данном случае он ценит, скорее, тот факт, что у меня есть русская жена и связи в России. Ну а я попросил Алешу.

– Вот, и мне ничего не сказал! Я б уже полромана написала!

– Ждал, пока обнаружим их следы. Роман ведь не может состоять из одной главы, а, писательница моя? Нужна не только завязка, но и развязка!

– Очень остроумно. До развязки вам с Алешей еще далеко, можешь не сомневаться!

– Это почему еще?

– Ну как же, ведь парни ему ответили: «Наш отец умер три года назад».
– Ты ведь не слушала меня!
– Не слушала, – согласилась Ксения. – Но слышала. Так бывает.
– У тебя одной, подозреваю. Ты талант. – Реми поцеловал жену.
– А отчим, ты только что сказал, – не отвлеклась Ксюша на мужнин поцелуй, – скончался пять лет тому назад. И родного отца они не знают, поскольку в их метрике стоит прочерк. Значит, в сюжет кто-то еще затесался. Тот, кого они считают отцом. Или он и вправду отец.

– До чего умная у меня жена!
– Более того, скажу я тебе, там ведь любовник наличествовал, в истории этой. Может, он и есть отец? И знают ли об этом парни?

– Восхищен. Преклоняю колена, – рассмеялся Реми.

Ксюша вскочила, захлопала в ладоши.

– Классная история! Когда в Москву летим?

Увлечение Ксюши расследованиями Реми устраивало: теперь ему редко приходилось оставлять ее в одиночестве. И она не скучала, и ему веселее. К тому же у милой женушки голова работала отлично, и ее соображения нередко оказывались весьма ценными.

– Пока не знаю. На днях.

– И я родителей увижу... И Сашку... И Лешу... И племяшек... – Она мечтательно оглядела потолок.

– Да ладно, – насупился Реми, – будто ты просто так съездить к ним не можешь! У тебя муж Синяя Борода, он тебя не пускает?

Ксюша взлетела с дивана, обняла Реми за шею и закружилась с ним по комнате.

– У меня лучший муж в мире! Поэтому мне не хочется оставлять его одного!

– Я все понял. Ты ревнуешь. Я такой прекрасный и классный, что ты опасаясь, как бы меня не соблазнили какие-нибудь левые девицы.

– Дурак, – шутливо обиделась Ксюша. – Я сама прекрасная и классная!

Реми знал это русское слово, «дурак», и оно у него неизменно вызывало приступ смеха. Иногда он в ответ тоже называл ее «дурак», но Ксюша не собиралась исправлять ошибку и подсказывать мужу слово в женском роде. Почему-то слово «дурак», произнесенное шутливо, звучит вполне прикольно; но «дура»... Как ни произнеси, а все грубо. По крайней мере, так ей казалось.

– На днях? А точнее нельзя?

– Вот навестим больного, – он просил приехать к нему, – и тогда решим. Но скоро, Ксю. Дело срочное, человек ведь при смерти...

Врач предупредил: говорить следует тихо, любой громкий звук режет слух больному.

Реми с Ксенией вошли в палату. Этьен Пасье сидел на кровати с поднятым изголовьем. Он был сер и чрезвычайно худ: страшный диагноз отпечатался в его облике.

– Бонжур, месье Пасье, – поприветствовал его Реми.

– Присядьте, – Этьен слабо махнул рукой, указывая на кресло и стул возле кровати. – Мэтр Бонфис хвалил вас, – он посмотрел на Реми. – А вы, значит, русская... Будете помогать супругу разбираться во всех тонкостях русского языка и менталитета? – перевел он взгляд на Ксюшу.

Ксения кивнула. Хотя помогать она станет отнюдь не одна: Алексей Кисанов тоже был частным детективом. И всегда приходил на помощь Реми, если ниточки его расследований вели в Россию. И, *vice versa*³, Реми помогал Леше, когда дело касалось Франции. Они давние друзья. Собственно, Ксюша и Александра познакомились с друзьями-сыщиками одновре-

³ *Vice versa* – наоборот (*лат.*).

менно, и одновременно же завязались два романа... Хоть и развивались они совсем неодинаково⁴. Однако пришли в итоге к общему знаменателю: Сашка замужем за Лешей Кисановым (которого близкие зовут Кис), а Ксюша – за Реми Деллье.

– И как вам живется в браке с французом? – неожиданно спросил Этьен, и его взгляд сделался колким, неприязненным.

Видимо, давняя история с изменницей оставила в его душе фантомные боли, подумала Ксюша. Так бывает после ампутации: ноги уже нет, а она все болит.

– Хорошо нам живется, – лучезарно улыбнулась она. Не вступать же в дебаты с умирающим.

Этьен прикрыл впалые глаза. Помолчал.

– Я несколько раз менял свое решение насчет завещания. Но в конце концов понял, что не смогу вообще принять какое бы то ни было решение, пока не узнаю...

Он умолк, не договорив, и снова прикрыл глаза. Реми и Ксения подождали, но Этьен все молчал.

– Вы хотите узнать точно, ваши ли это сыновья? – решил помочь ему Реми.

– Разумеется, – Этьен посмотрел на него как на недоумка. – Но мне нужно узнать еще много, очень много. И что это за мужчина, которого они считают своим отцом. Делался ли тест на отцовство. И об их матери... Я хочу, чтобы вы собрали максимум информации о ней. Как она жила с тех пор, как мы расстались. Кому еще жизнь сломала. А она непременно сломала, иначе никак, – она ведь отменная лгунья, обязательно кого-то еще одурачила...

Глаза его закрылись. Ксения с Реми переглянулись: уходить? Ждать?

– Я не сплю, – вдруг проговорил Пасье. – Просто устал... А генетический анализ сделайте в первую очередь. Если братья откажутся, то тайком. Это запрещено, наверное, но вы придумайте, как сделать. Обо мне много не говорите, только что я когда-то любил их мать и теперь подумываю о завещании в их пользу. И что я богат. Скажите, что деньги мне все равно оставлять некому, может, им завещаю, даже если они не мои дети... Надо, чтобы они заинтересовались предполагаемым наследством – тогда станут разговорчивы... Я хочу не только об их матери узнать – о них тоже: что за люди выросли. Фотографии их пришлите – те, что мне показывали, из интернета, слишком мелкие. Это пока все. Остальное по ходу. Мне отчеты каждый день по Скайпу. Портфель у меня всегда под рукой, – и он погладил иссохшей рукой крышку дорогого ноутбука, лежащего рядом с ним на кровати.

Они распрощались. Выйдя из палаты Этьена Пасье, Реми произнес:

– Похоже, он надеется найти какой-то компромат на свою бывшую пассию.

– Не компромат, – не согласилась Ксения. – Зачем он человеку, у которого жизнь заканчивается? Тут другое, мне кажется: Этьен хочет доказать самому себе, что поступил тогда правильно, изгнав Анжелику из своей жизни. Женщину, беременную двумя мальчишками, которые могут оказаться его сыновьями... Умирать, думая, что ошибся, что поступил опрометчиво, что из-за ревности и раненого самолюбия лишился семьи, сыновей, – это, наверное, страшно. Ему нужно, чтобы мы нашли доказательства правильности того решения, которое он принял почти тридцать лет назад. Так я думаю.

Реми поцеловал жену. Ну не умница ли? Если она когда-нибудь допишет свой роман, то наверняка он окажется хорош. Ксюша научилась улавливать чувства людей, читателям это будет интересно.

⁴ Читайте роман Татьяны Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

Москва

Они договорились с Этьеном держать связь по Скайпу, на чем и расстались. Билеты в Москву – Ксюша посмотрела в интернете перед поездкой в больницу – наличествовали на послезавтра, и она немедленно купила их. Реми созвонился с Алексеем, сообщил время и рейс.

И спустя день они уже обнимались в Шереметьево.

Ксюха совсем не изменилась, оценил Кис, такая же юная и хорошенькая. А Реми сдался моде и отрастил небольшую бородку, которая ему очень шла. Красивая пара, радует глаз. И любимые люди, что радует душу.

– Останавливайтесь у нас, – заявил он, укладывая их легкие чемоданы в машину.

– Нет, Леш, – не согласился Реми. Между собой они общались на английском, хотя чаще им переводила Ксения. – Удобнее для всех, если мы поселимся в гостинице. Тем более что клиент платит.

– Саша велела вас ни за что не отпускать! И родители приедут.

Сама Александра встретить их в аэропорту не смогла, была занята в редакции, но вечером, естественно, рассчитывала на семейные обнимашки.

– Конечно, Алеш, едем к вам, – согласилась Ксения. – А вечером заселимся в отель.

– Ну уж нет, – не сдался Кис. – Переночуете у нас. Дети уже нарядились по такому случаю, Саша полресторана заказала на дом, мама ваша с пирогом едет... В общем, готовьтесь к семейному торжеству.

Ксюша плакала, обнимая сестру; плакала, обхватив за плечи родителей; плакала, целуя нежные щечки своих маленьких племяшек. Плакать она перестала только тогда, когда пришлось встать на цыпочки, чтобы поцеловать старшего племянника Романа. Наверное, потому, что на цыпочках плакать неудобно.

Как она соскучилась по семье! И не только по людям, а по самой атмосфере радостного единения, щедрого душевного тепла, взаимной любви. Такие семьи – большая редкость. Во Франции особенно, но в России тоже не на каждом шагу встречаются. Ксюша не забыла с детских лет, с какой радостью и облегчением возвращалась от подружек, «из гостей», домой – туда, где все друг друга любят. Где не кричат, не приказывают, не называют обидными словами – где ласково обнимают и все мягко, понятно объясняют. Не припоминалось ни одного родительского запрета, который вызвал бы в ней протест. Родители обосновывали каждое решение так, что становилось очевидно: оно правильное и разумное. И Александра, старшая сестра, подтверждала: память ее не подводит, так все и было.

Весь вечер она упивалась общением с семьей. Слушала и не слушала, отвечала по существу или откликалась невпопад – она просто наслаждалась прекрасными лицами своих близких, их чудными голосами; она смеялась, играла с племяшками, обнималась с постаревшими родителями (от чего щемило сердце...) – она была счастлива.

Ближе к полуночи они все-таки отправились в гостиницу. Реми забронировал «Новотель»: он хорошо знал эту французскую сеть, ценил ее за стабильное качество, одинаково хорошее в любом городе, поэтому и выбрал его с ходу. И расположен он был удачно, рядом с центром, на Новослободской.

Алексей поехал с ними и остался ждать внизу, в холле. Поставив чемоданы в номер, Ксюша с Реми, несмотря на поздний час, спустились в бар, чтобы обсудить план действий.

Впрочем, «план» – это громко сказано. Для начала следовало познакомиться с братьями, чтобы понять, как действовать дальше. Выполнить просьбу умирающего будет непросто: с какой стати эти взрослые люди, об Этьене Пасье до сих пор не слышавшие, примутся

откровенничать с сыщиками? Однако у последних имелся определенный простор для маневра, и все согласились в одном пункте: главное, дать понять потенциальным наследникам, что сумма по завещанию может оказаться серьезной. Даже если они живут безбедно, деньги лишними не бывают. Тем более для продюсеров телевизионных сериалов (Кис собрал доступную информацию через интернет и выяснил, чем молодые люди занимаются).

– Их фотки у тебя в телефоне? – спросила Ксюша, потягивая коктейль.

– Да. Показать?

Она кивнула, и Кис открыл в телефоне снимки.

– Приятные лица, – заметил Реми.

– Это Микаэль? – спросила Ксюша. – А рядом Даниэль?

– Наоборот, – ответил Алексей.

– Совсем непохожи.

– Ну так они же двойняшки, то есть двуйцевые близнецы. Как твои племянники, между прочим, – заметил Кис.

– Ну что ты мне объясняешь, будто маленькой девочке! Я не просто так заговорила про сходство! – запальчиво произнесла Ксения.

Она несколько терялась перед Алексеем Кисановым. Если в глазах мужа она уже завоевала статус сыщицы, то Леше еще предстояло его доказать. Из-за чего у Ксюши было ощущение, что он взвешивает каждую ее мысль, каждое слово, словно экзаменатор. Это страшно мешало ей сосредоточиться, и Ксюша сердилась на себя за глупую робость.

– Вообще-то ты заговорила про несходство, – усмехнулся Кис. – И почему тебе это кажется важным, моя дорогая взрослая сестренка? Упс, это ты Сашке сестренка, вот и я туда же. Как правильно сестра жены называется?

– Что-то похожее на яичницу, – поморщилась Ксения. – Обойдемся без нее. Зови сестренкой, очень даже мило... Тут дело вот в чем, Алеш. Реми, посмотри ты тоже. Вам не кажется, коллеги... Сложно, конечно, судить, Этьен ведь стар и болен, сильно изменился... Но давайте попросим его фотку в молодости.

– Ты находишь, что один из парней похож на нашего заказчика?

– Даниэль, – кивнула Ксения.

– Я сходства не вижу, если честно... Снимки из интернета не слишком четкие, – произнес Кис.

Реми без лишних комментариев открыл Скайп в смартфоне и написал Этьену Пасье, попросил прислать фотографии в молодости. К их удивлению, несмотря на поздний час, Этьен ответил сразу же: «В этом ноутбуке нет, завтра попрошу секретаря найти и переслать вам».

Никакого вопроса он не задал, по всей видимости, понял, что на уме у сыщиков.

– Я договорился с братьями на десять тридцать утра. После двенадцати им нужно ехать на работу, так что у вас будет полтора часа на общение. Ребята, я вам понадобится? Дело ведете вы, я просто посредником на начальной стадии выступил...

– Было бы лучше с тобой, – ответил Реми. – Ты тут живешь постоянно, нюансы тебе понятнее.

– Согласен. Но три человека – это много. Психологически грузит.

– Скажете, что я переводчица, – предложила Ксения.

– Так они ведь выросли во Франции. Небось лучше тебя по-французски говорят, – заметил Реми.

– Точно, – не обиделась Ксюша. – Люди, которые попадают в страну до двенадцати лет, становятся стопроцентными носителями ее языка. Даже акцента не остается... Кис, а давай ты придешь, как этот самый посредник. Представишь нас. А там слово за слово – и засидишься в компании!

– Ладно, – кивнул Алексей. – Дальше по ходу станет ясно, уходить мне или остаться. Тогда завтра я за вами заскочу без четверти десять. Тут езды на двадцать минут, но с московскими пробками... Так что в девять сорок пять.

День первый

Москва сверкала и искрилась под утренним солнцем столь ослепительно, словно не городом была, а морской гладью. Ксюша, любившая докапываться до причин и истоков, задумалась: что не так? В Париже в погожий летний день солнце тоже заливает улицы, однако такого эффекта нет... Думала она недолго и разгадку нашла: а потому, что в Париже улицы узкие! Тени куда больше от домов и деревьев, оттого и нет впечатления ослепительной *гладь*. А в Москве улицы широкие, открытые небу, – вот в чем секрет.

Она поделилась этим соображением с мужем и с Алешей, и всю дорогу до Красной Пресни они сравнивали два города, перейдя постепенно от темы интенсивности солнечного освещения к вопросу о собачьих кашках на тротуарах.

Квартира братьев находилась в престижной новостройке недалеко от сталинской высотки. Точнее, как обнаружилось позже, у них имелись две квартиры на одном этаже, у каждого своя. Путь от лифта в общий коридор преграждала дверь, а возле нее находились три звонка, двум из которых соответствовали синие с золотыми буквами таблички «Багиров-Дюваль Микаэль» и «Багиров-Дюваль Даниэль». Третья синяя табличка была пуста.

– Добрый день! Проходите, пожалуйста, – открыл им Микаэль, которого сыщики узнали по фотографиям. – Вот сюда, – указал он на распахнутую дверь первой из квартир.

Гостиная была огромной. Большие окна беспрепятственно впускали солнечный свет, грея теплое дерево паркета (вот бы по нему босиком, подумала Ксения), и квартира казалась радостной, воздушной. Лето в Москве примерно такое же, как в Париже – разница в климате проявляется лишь в холодные месяцы, – так что Реми с Ксюшей из своей солнечной, хотя и маленькой парижской квартиры попали в солнечную московскую. Два кожаных темно-синих пятиместных дивана в форме буквы «Г» стояли друг напротив друга. Между ними низкий длинный стеклянный стол. Однако комната не казалась загроможденной, поскольку в ней еще оставалось много места. Вдоль стены располагались стеллажи с аудиовидеотехникой, большим экраном, некоторым количеством книг, а в нише помещалось нечто заковыристое в качестве декора – то ли скульптура, то ли ваза.

Дизайн дополнял крупный белоснежный кот с зелеными глазищами, сидевший на спинке одного из диванов столь неподвижно, что его тоже можно было принять за статуэтку.

– Мы часто проводим деловые обсуждения дома, – пояснил хозяин, – какой-нибудь мозговой штурм нового проекта. Поэтому тут так много сидячих мест, – улыбнулся он. – Да, кстати, я Микаэль. Старший из братьев, – он улыбнулся, – на целых двадцать минут. А вы... Дайте угадаю. Вы, разумеется, Ксения Деллье. Реми Деллье... – и он перешел на французский: – *C'est vous, n'est pas?*⁵ Ну и вы Алексей Кисанов. Я не ошибся?

– Верно. Это я говорил с вами по телефону.

Неожиданно распахнулась входная дверь.

– А вот и Дани, – Микаэль повернулся в сторону открывшейся двери.

Процедура представления повторилась.

– Ну, и наш кот Филу. Любимец и талисман. Красавец, а?

Все закивали. Начало было легким и приятным. Хорошо бы так пошло и дальше.

⁵ Это вы, не так ли? (фр.)

Микаэль предложил напитки, но сыщики дружно отказались. Они с утра позавтракали, и теперь терять время не хотелось.

Ксюша рассматривала братьев. Да, они не были похожи. Оба шатены, хотя Даниэль посветлее. У Микаэля над левым ухом белая прядь. Маленькая такая прядка, будто кисточкой мазнули. Непонятно, то ли седой клочок, то ли блондинистый. Глаза у них тоже разные: у Микаэля карие, а у Даниэля каре-зеленые, «ореховые», как называют этот цвет французы. Старший брат под метр восемьдесят, младший на несколько сантиметров ниже. Телосложением схожи, – нормальные парни, без лишних килограммов, равно как и без лишних бугров мышц. Еще их роднили обаятельные, открытые улыбки. То есть они кажутся открытыми, уточнила мысленно Ксюша, хорошо знавшая, как распространена эта масочка «простого хорошего парня» в современных деловых кругах на Западе вообще и во Франции в частности. Позволить себе высокомерие и снобизм, как еще совсем недавно их отцы, сегодняшние бизнесмены не могут: растеряют всю клиентуру. Нынче, чтобы стать успешным, нужно быть демократичным, «своим парнем» для коллег и клиентов.

– Мы должны принести вам извинения, – вежливо заговорил Микаэль, когда они уселись на синие диваны и Филу, недовольно фыркнув, соскочил со спинки и гордо удалился из комнаты, задрвав хвост большой белой свечой, – за то, что не смогли сообщить вам это заранее, до вашего отлета из Парижа...

– «Это»? – приподнял брови Реми.

– Боюсь, вы прилетели напрасно. К сожалению, мы только сегодня утром сумели переговорить с нашей матерью. Она сейчас на курорте, проводит медовый... – неожиданно Микаэль посмотрел на брата и запнулся. – Она сейчас отдыхает, – продолжил он, решив, видимо, не вдаваться в подробности о «медовом», – а связь на островах не всегда хорошая... И выяснилось, что мама категорически против генетического теста.

Братья смотрели на сыщиков в ожидании ответа, но и те молчали, будто ждали продолжения. На самом деле это прием такой, который они отлично знали, даже Ксения его усвоила: чем больше молчишь ты, тем больше говорит собеседник. Паузы по каким-то психологическим причинам людьми плохо переносятся, и они норовят заполнить лакуны в разговоре своей речью. Все это происходит подсознательно, разумеется, но действует почти безотказно.

Сработало и на этот раз.

– Нам правда очень жаль, – продолжил Микаэль, – но маму можно понять. Долгое время в наших метриках был прочерк. Мы ничего не знали об отце: на все вопросы мама отвечала, что не желает рассказывать о мужчине, который нас бросил. Потом нас усыновил мамин муж, месье Франсуа Дюваль, но мы знали, что нам он отчим. И вот, около трех лет назад, мама представила нам отца... Незадолго до его кончины. Он нашел нас, когда тяжело заболел, попросил о встрече. Прямо как этот ваш клиент. Хорошие отцы вспоминают о своих детях только под страхом смерти, – и Микаэль саркастически усмехнулся. – Но мы согласились на встречу. Он умолял простить его...

– И мы простили, – широко улыбнулся Даниэль. – Нам это далось легко, обиду мы не хранили. Знаете, у нас было совсем неплохое детство, хоть и без отца. До десяти лет мы жили с бабушкой и с мамой, потом она вышла замуж за Дюваля и забрала нас во Францию. Отчим нас не только усыновил, но и реально заменил нам папашу, который не желал слышать о нас, пока одной ногой не ступил в ад.

– Как бы то ни было, Олег Николаевич, наш родной отец, разыскал маму, и она нас познакомила, – вернул себе инициативу Микаэль. – Если мы сейчас согласимся на тест, это будет выглядеть как недоверие к маме. *Оскорбительное недоверие*, так она сказала.

«Ну да, разумеется. Делать тест – значит, усомниться в словах матери. То есть предположить, что она солгала, назвав этого человека их отцом», – подумал Реми.

«Если они согласятся на тест – значит, допускают, что мать либо им намеренно солгала, либо... Либо сама не знает, от кого у нее дети! А раз так, то, выходит, она спала с обоими мужчинами в одно и то же время, отчего и не знает... Совсем не лестно для репутации матери! Потому она и воспротивилась», – подумала Ксения.

«Похоже, ей есть что скрывать. Иначе бы махнула рукой: вам надо? Делайте! Но вместо этого она возмутилась: «оскорбительное недоверие», ишь ты. Прикрылась им, как фиговым листочком, – подумал Кис. – А ведь Этьену Пасье она в свое время пыталась этих детей навязать, уверяя, что беременна от него...»

В этот момент у Реми тренькнул мобильный. Он посмотрел на дисплей, потом на Алексея и Ксюшу.

– Нам необходимо посоветоваться, – поднялся Кис. – Мы не ожидали такого поворота, все-таки речь о наследстве... Позвольте нам отлучиться на пять минут.

И он, кивнув команде, вышел в коридор.

– Показывай, – указал он на мобильный Реми.

– Как ты догадался? – усмехнулся тот.

– Ну, во-первых, мы эту фотографию ждем. Во-вторых, по выражению твоего лица.

Реми, усмехнувшись в ответ, молча повернул экран к остальным. На них смотрел Даниэль. То есть молодой Этьен-отец и Даниэль были похожи настолько, что сомнений не оставалось: это его сын.

– Поскольку братья двойняшки, то, выходит, оба от Этьена Пасье. А Микаэль похож, наверное, на мать, – тихо произнес он. – У нее есть аккаунты в Инстаграме и Фейсбуке с кучей фотографий, но, подозреваю, там такой фотошоп, мама родная не узнает.

– А у парней ее портретика нет, – заметила Ксения. – У них вообще никаких фотографий нет. Только постеры разные.

– Давайте сделаем вид, – прошептал Алексей, – что мы смирились с отказом и уходим.

– Но месье Пасье сказал, что настаивать необязательно, он все равно готов завещать им... – начал было Реми.

– Я хочу их подразнить. Подыграйте мне. Пусть они пожалеют, что наследство уплывает из рук: так они будут потом покладистее. И, Ксюша, срочно выполняй свою миссию, нам пора уходить. Фотография фотографией, но тест нужен.

Они вернулись в гостиную.

– Мы понимаем вашу позицию и относимся к ней с уважением, – произнес Реми. – Раз вы считаете, что тест делать не надо...

– Прошу прощения, – поднялась Ксюша, – могу я воспользоваться вашим туалетом?

– Разумеется, – ответил Микаэль. – Это вон туда по коридору... Пойдемте, я вам покажу.

Он вернулся через несколько секунд, и Реми продолжил заверять братьев в своем понимании и вообще лучших чувствах, стараясь дать Ксении побольше времени.

В ванной корзины с грязным бельем не оказалось. Это был неприятный сюрприз: они единогласно решили, что лучше утащить какой-нибудь грязный носок, а не зубную щетку или расческу: братья пропажу сразу бы заметили. Носки же имеют свойство уходить в пятое измерение, особенно у мужчин, и отсутствие одного из них вряд ли братьев насторожит. К тому же носка они не скоро хватятся, тогда как щетка-расческа нужны ежедневно и даже неоднократно. Да только где же его, носок, искать?

Дальше по коридору просматривалась кухня, сверкавшая хромированными боками различных аппаратов. Однако на кухне грязное белье не держат... Ксюша приоткрыла одну дверь возле кухни. Это было что-то вроде кладовки. Банки, бутылки, коробки. Насколько она успела

заметить, в основном французские деликатесы и вино. Скучают братья по своей второй родине, видимо.

Еще одна дверь. На этот раз ее взору открылась постирочная комната: гладильная доска, стиральная и сушильная машины... И вот, за дверью, искомая корзина! Ксюша быстро приподняла крышку. Ура, мужские носки!

Она опустила один в прихваченный заранее пластиковый пакет, туго свернула его, перетянула резинкой и убрала в свою сумочку. Затем вернулась в туалет, спустила воду, поплескала руки под краном и вышла к собранию.

В этот момент Реми делал фото братьев, которые привычно позировали. Надо полагать, что у продюсеров, хоть они и не актеры, тоже часто берут интервью.

– Улыбочку, – говорил Реми. – Вы ведь понимаете, как важно человеку, который хочет завещать вам свое состояние, увидеть ваши лица... Так, отлично, снимаю!

– Но теперь он передумает, – полувопросительно произнес Даниэль. – Раз теста не будет.

– Я доложу клиенту и его ответ передам вам завтра. Мы сможем здесь собраться в это же время?

– Разумеется, – ответил Микаэль. – А его фотографии у вас нет?

– Зачем тебе? – возразил Даниэль. – Он ведь не наш отец!

– Мы закончили, – увидев Ксюшу, сообщил Реми. – Можем уходить.

– Да? – На ее лице отразилось неподдельное любопытство. – И на чем остановились?

– Мы не вправе настаивать, дорогая. Раз люди не хотят проверить завещателя на отцовство, то это...

– И получить его деньги не хотят? – изумилась Ксения. – Вас правда не интересует наследство? – обратилась она к братьям.

Те переглянулись.

– Не будем лукавить, не помешало бы, – смущенно улыбнулся Даниэль. – Мы занимаемся продюсированием телевизионных сериалов, а это стоит денег. Больших. Потом оникупаются, – наши сериалы народ любит, и рекламодатель их уважает, – но лишь спустя какое-то время, а сначала нам приходится их авансировать... Мы даже в долги залезли, кредит в банке брали.

Если братья и имели финансовые трудности, то явно в прошлом. Две роскошные квартиры в престижной новостройке об этом красноречиво свидетельствовали.

– Но раз мама воспротивилась, – продолжал Даниэль, – лично я не стану делать тест вопреки ее воле. А ты? – обратился он к брату.

– Non plus. Si maman l'apprend...⁶ – Микаэль не договорил, но, видимо, имелся в виду скандал. – Да и потом, раз наш отец Олег Николаевич, – перешел он на русский, посмотрев на Алексея Кисанова, – как им может оказаться месье Пасье? Если нас двое, это не значит, что у нас было два отца, – хохотнул он.

– Разумеется, – кивнул Реми. – Что ж, мы сегодня же сообщим о вашем решении клиенту. Увидим, что он ответит. Но, сами понимаете, не получив доказательств вашего родства, он может сделать завещание в пользу какого-нибудь благотворительного фонда.

– А наследство... – Микаэль слегка смутился. – Там большие деньги?

Даниэль тоже вскинул любопытный взгляд на сыщиков.

– Завещание пока не написано. Да будь и написано, нотариус хранил бы тайну, как вам известно. Однако с учетом должности Этьена Пасье... – Реми выдержал паузу, многозначительно обведя взглядом своих слушателей. – Он возглавлял до своей болезни крупный инвестиционный фонд. Можете прикинуть.

– Ой, – по-детски воскликнул Даниэль, – да там миллионы!

⁶ Тоже нет. Если мама узнает... (фр.)

– Весьма возможно, – сдержанно согласился Реми и взялся за ручку двери. – Всего доброго.

Братья слегка дернулись, будто хотели удержать детективов. Но ничего не сказали, лишь молча переглянулись.

Когда сыщики выходили из квартиры Микаэля, третья дверь на этаже вдруг распахнулась и две девушки, блондинка и шатенка, направились к братьям.

– Ну что, поехали? – обратилась одна к Микаэлю, с любопытством разглядывая гостей.

– Да, пора, – ответил тот. – Зайдите к нам на минутку, я портфель возьму, – добавил он, и девушки, следуя его приглашающему (если не сказать, указующему) жесту, скрылись в квартире. Похоже, Микаэль хотел избежать необходимости представлять их сыщикам. – Держите нас в курсе! – крикнул он им в спины, когда они открывали дверь, ведущую к лифтам.

– Разумеется. Как только будет ответ от клиента, сразу сообщим, – обернувшись, вежливо ответил Реми.

Взяв коробочку с образцом ДНК Этьена Пасье, привезенную Реми из Франции, Кис направился напрямик в лабораторию, где делали анализы на отцовство в кратчайшие сроки, – у Алексея Кисанова в родном городе давно все было схвачено.

Реми с Ксенией поехали в гостиницу звонить клиенту по Скайпу. Условились встретиться через час в ресторане отеля, пообедать и обсудить ситуацию.

Когда Кис подтянулся в ресторан, Реми с Ксюшей уже сидели за столиком, разглядывая что-то в смартфоне.

– Смотри, – протянул ему Реми телефон.

Господин Пасье, получив фотографии молодых людей, прислал еще несколько своих снимков примерно в том же возрасте, в разных ракурсах. Даниэль был похож на него чрезвычайно, но и в лице Микаэля что-то такое просматривалось...

«Впрочем, когда хочешь увидеть сходство, то обязательно найдешь, – возразил сам себе Кис. – Так что не будем притягивать за уши. Достаточно и этого красноречивого сходства с Даниэлем. Хотя...»

– А это что? – указал он на изображение на экране.

– Ты о чем? – не понял Реми.

– Волосы. Смотри, у Пасье, случаем, не такая же белая прядь, как у Микаэля?

Реми увеличил снимок.

– Ну ты глазастый, Алеш! – оценила Ксюша. – Точно такая же, будто мазок кистью!

– Воп⁷, – произнес Реми, – подытожим имеющуюся информацию. Двадцать восемь лет назад Анжелика Багирова утверждала, что беременна от Этьена Пасье.

– Двадцать девять лет, – внес уточнение Алексей.

– Что? А, ну да. То есть в то время она была уверена: дети от него.

– Не факт, – возразила Ксения. – Возможно, она просто пыталась его вернуть и женить на себе. Он ведь бросил ее за неделю до свадьбы, узнав об измене.

– Ты права, – кивнул Реми, – это еще не доказательство. Но у нас есть еще очевидное сходство на снимках. Завтра получим результат ДНК-теста, хотя мы уже знаем, каким он будет.

– Тем не менее мадам привела сыновьям какого-то другого мужика, назвав его отцом, – продолжил Алексей. – Олег, кажется...

– Олег Николаевич, – подсказала Ксения.

– Ложь? Или она действительно так думала, как по-вашему? – посмотрел Кис на друзей.

⁷ Хорошо (фр.).

– Анжелика спала в одно и то же время с обоими мужчинами, – произнес Реми. – Думаю, что Олег... Я с вашими отчествами не справлюсь, извините... Олег и был тем самым любовником, которого Этьен Пасье увидел в спортивном комплексе. А раз так, то Анжелика никак не могла точно знать, кто из них отец. Родство по ДНК тогда еще не устанавливали. Ксюша права, за Пасье эта дамочка жаждала выйти, выгодная партия; а тот, второй, для замужества не был интересен, какой-то там тренер... Вот она и пыталась впарить отцовство Этьену.

– И надо же, как парни мать уважают, – со смесью восхищения и недоумения произнес Алексей. – Они явно не в курсе этих подробностей, и она, естественно, не хочет, чтобы сыновья узнали. Священный образ матери подобная информация может подпортить. Поэтому Анжела и устроила скандал: ах, как вы смеете мне не доверять!

– Такое почтение к матери вызвано, скорее всего, строгим воспитанием, – произнесла Ксюша. – Оно никак не связано с ее личностными достоинствами и не свидетельствует о ее добродетелях, нет. Оно выработано, как у собаки Павлова, рефлексам. Высказался ребенок непочтительно – наказан. Вел себя ласково, уважительно, хороший сын – награда.

– Очень возможно, – кивнул Алексей. – Я знаю такие семьи. А ты у нас еще и психолог, Ксюшка! – Алексей приобнял ее за плечи.

– Удивляешься? Я для тебя все еще маленькая Сашкина сестренка? – с вызовом прищурилась Ксения.

– Ты что, Ксю, какая же ты маленькая, ты ужасно большая! Может, даже больше меня, надо взвеситься, – сострил Кис. – А туфельки у тебя какого размера? У меня вот сорок третьего. У тебя больше?

– Что он говорит? – поинтересовался Реми, не услышав перевода.

– Да хрень всякую! – И она запустила салфеткой в Алексея.

– Эй, родственнички, может, хватит? – приструнил их Реми. – Будто у нас дел нет. Развлекаетесь как дети.

– Вот чего мне во Франции не хватает, Ремиша, – вздохнула Ксения. – Там взрослые не развлекаются как дети. Неприлично.

– Учитывая, как на нас смотрит официант, я подозреваю, что в Москве тоже бросаться салфетками неприлично, – заметил Реми.

– Ладно, Ксюха, извини, я тебя подколол по старой памяти, не обижайся, – примирительно произнес Алексей.

– Я не обиделась, ты чего?

– Камрады, давайте вернемся к делу, – попытался вернуть их в русло разговора Реми.

Кис с Ксюшей соорудили серьезные мины. Реми лишь головой покачал, будто перед ним и впрямь сидели малые дети.

– Итак, мадам Багирова в юные годы пыталась охмурить Этьена Пасье, – продолжил он. – Видимо, надеялась через брак получить французское гражданство. Не будем забывать, что действие происходило в начале девяностых, тогда все мечтали уехать из развалившегося СССР в какую-нибудь благополучную страну. У нас об этом много писали, тем более что русские всегда привлекали большое внимание. Так что сюжетов о девушках, рвущихся за границу любой ценой, в то время было множество, что в печатной прессе, что по телевизору. Помимо гражданства, юная Анжелика явно рассчитывала на брак с весьма состоятельным мужчиной. Сейчас он крутой миллионер, но и в молодости зарабатывал очень хорошо. Плюс богатые родители – то есть будущее наследство. Идеальный жених.

– Но зачем она параллельно завела русского любовника? – удивлялась Ксения. – Неудержимая страсть, что ли? Как в романах? Если уж она такая расчетливая, ухватила выгодного жениха, зачем было все портить?

– Секс, – предположил Реми. – С Пасье было не так... ммм... не так круто в постели, как со спортсменом.

– Или цинизм, – выдал свою версию Кис. – Решила поспеть и там и тут. В конце концов, и Олег мог согнуться, чтобы зацепиться за Францию: раз он работал, значит у него была виза. Но девушка переоценила свои возможности. Как говорится, на двух стульях одной задницей...

– Реми, а нельзя попросить господина Пасье прислать ее фотографию? – спросила Ксения. – Если у него сохранилась, конечно...

– Не знаю, это немного неловко. Как я мотивирую такую просьбу?

– Ну... Ну скажи, что хотим увидеть в лицах братьев черты матери.

– И зачем нам?

– Ну, чтобы отличить, где сходство с матерью, а где с отцом, например.

– А это зачем? Потому что ты любопытная? Сходство Даниэля с господином Пасье очевидно, и этого достаточно.

– Ладно, проехали. Кис, покажи-ка мне еще раз ее фотку из соцсетей.

– Там вряд ли фото последних лет, ей сейчас под пятьдесят, а на снимке и сорока не дашь.

– Фотошоп, ты уже говорил. Но все равно покажи.

Алексей открыл телефон и повернул экран к Ксении. На нее смотрела красивая брюнетка с длинными волосами вдоль плеч, которые контрастировали с очень белой кожей. Взгляд темных глаз был внимательным и в то же время излучал необыкновенную доброту. Так смотрит мать на любимое дитя. Или святые на грешных людей. Странное сочетание с яркой сексапильной внешностью. Нет, не сочетание – скорее, противоречие.

– Когда она должна вернуться? – спросила Ксюша, рассматривая снимок.

– В конце недели, как я понял, – отозвался Реми. – Нужно будет уточнить, нам предстоит непростой разговор с ней.

– Если она на него согласится, – заметил Алексей.

– Когда они все осознают, что речь идет о миллионах евро, то согласятся как миленькие, – возразил Реми.

Ксюша в спор вмешиваться не стала, лишь подумала, что некоторые секреты стоят дороже миллионов. Ее небольшая, но интенсивная практика расследований значительно обогатила Ксюшины представления о людях. И она предчувствовала, что в этом деле секретов немало.

– Реми, я не понял, так что вы с Пасье обсудили-то, помимо обмена фотографиями? – спросил Алексей.

– Он невероятно обрадовался, когда увидел, до какой степени Даниэль похож на него. В нем будто прожектор вспыхнул. Глаза засияли, лицо порозовело...

* * *

Этьен давно не чувствовал то, что называют «приливом крови». Хоть куда-нибудь, хоть к щекам. Казалось, его кровь вообще не двигается. Стоит на месте, как болотная жижа, и медленно гниет.

Но когда он увидел фотографию юного красавца, похожего на самого Этьена в молодые годы, все в его теле взмырилось, вскипело, рвануло по одряхлевшим венам. «Это мой сын, – билась, пульсировала в виске жилка, – это мои, МОИ сыновья!!!»

Он даже не представлял, что можно испытывать такое чувство счастья. Огромное, абсолютное, всепоглощающее. Знать бы раньше об этом... Он бы давно их нашел, своих мальчиков. И давно был бы счастлив.

А если бы не эта лживая дрянь, он бы их не потерял. Из-за нее все случилось!

Она лгала и тогда, и теперь. Она привела его сыновьям какого-то чужого мужика и сказала, что это их отец! Боже...

Да что теперь.

Радуйся, что хоть перед смертью познал это счастье.

А может, он не умрет? Этьен давно не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. Он пойдет на поправку. Он победит эту гадость, рак! Теперь, когда он нашел своих мальчиков, – он обязательно справится! И будет жить! Ради них!

Запищал аппарат над его головой. Прибежала медсестра, заверещала: «У вас давление поднялось, надо укол сделать, сейчас-сейчас, минуточку!»

– Нет, не надо, – твердо произнес Этьен. – Я отлично себя чувствую.

– Но...

– Никаких «но».

– Это опасно!

– Плевать. Я не хочу укол. И вы мне его не сделаете.

Медсестра растерялась. Она вышла из палаты, но через несколько минут вернулась, неся листок и ручку.

– Подпишите, господин Пасье, отказ. Если у вас случится инсульт, я не хочу, чтобы меня обвинили в вашей смерти.

Этьен подписал и попросил медсестру покинуть палату. Он достал из холодильника яблоко – Магали принесла, она стала его навещать, узнав о болезни, – и с забытым удовольствием хрустнул им.

Сыновья. Его мальчики. Его дети. Продолжение его рода. Красивые, успешные, они понесут его гены в будущее!

Надо только успеть обнять их. Прижать к себе, вдохнуть запах своих детей. Пусть они взрослые мужчины и пахнут, скорее всего, каким-нибудь дорогим парфюмом, но Этьен различит родной запах.

Он прикрыл глаза и принялся представлять встречу с сыновьями. Но что-то ему мешало, будто его прожигал взгляд исподтишка... Анжелика, вдруг понял он. Она сделает все, чтобы не допустить их сближения. Как все лжецы, она побоится разоблачения. А ведь отцовство Этьена вскроет ее ложь!

Да, но... Они взрослые, его сыновья! Совсем взрослые. Они могут и сами решить, как им поступать.

Или не могут?

Какие они? Что за люди выросли? Этьен размышлял, как обнимет их, – а вдруг они не захотят? Может, они холодные и расчетливые, как их мать?

Нужно побольше узнать о них. Как можно больше и срочно! Пусть Реми с женой дадут им понять, что...

И он принялся набрасывать на компьютере текст.

* * *

– У меня даже возникло нерациональное ощущение, – продолжал Реми, – что теперь, когда Этьен нашел сыновей, он выздоровеет. Победит рак.

– А вдруг и впрямь?.. – с надеждой воскликнула сострадательная Ксюша.

– Маловероятно. Четвертая стадия.

– Печально, – произнес Алексей. – А что он сказал по делу?

– Все по-прежнему. Не давить на психику парней генетическим тестом, но намекнуть: наследство значительное, и Этьен может написать завещание в их пользу даже без доказательств отцовства, поскольку у него все равно никого нет... Тем более что их мать он когда-то любил. Но – но! – в обмен на *полноценную информацию* – Этьен именно так выразился – о том, как сложилась их жизнь. Всей семьи – не только братьев, но и Анжелы.

– То есть мы им скажем: Этьен Пасье готов завещать вам денежки без доказательств, лишь в обмен на семейную сагу?

– Ее самую. Представляешь, как они обрадуются? И расскажут о своей жизни все, я уверен. Ты хорошо сделал, Кис, что меня остановил утром. Напряжение возросло, им не терпится узнать, какое там наследство и нельзя ли его каким-нибудь способом заполучить, не делая анализ ДНК. И вдруг – сюрприз! – выяснится, что можно!

В этот момент Ксения вернула смартфон, в котором разглядывала снимок Анжелы, Алексею.

– И что ты там увидела, психолог мой?

– Ничего особенного. Она везде «позирует», везде светская, везде на публику... Но взгляд у нее какой-то странный... Будто она всех любит. Прямо всех, все человечество... Воплощение доброты. Я не знаю, что и думать. А вдруг Этьен Пасье ошибается насчет Анжелики? И никакая она не обманщица? И вовсе не из корысти хотела за него замуж, а потому, что любила?

– А как же тот поцелуй в спорткомплексе?

– Мало ли... – Ксюша пожала плечами. – В жизни всякое случается.

– А разве они целовались в щечку, как друзья? – удивился Алексей.

– Пасье сказал, что в губы. Это был поцелуй любовников, по его словам, – внес уточнение Реми.

– Ну ты даешь, Ксюха, – тряхнул головой Алексей. – Неожиданная у тебя мысль, откуда только взялась.

– Моя женушка романы сочиняет, дорогой друг. Так что не бери в голову. Жизнь проще романов, а? – и он хлопнул Алексея по плечу.

– Я просто рассматриваю *все варианты*, как ты любишь говорить, Кис! – обиженно произнесла Ксения.

– И в каком же варианте мужчина с женщиной могли целоваться в губы, не будучи любовниками? – хмыкнул Реми.

– Например, если они *бывшие* любовники.

– Хм... Хорошо, что я у тебя первый мужчина, – прищурился Реми, – и *бывших* у тебя нет. Не то бы я сейчас тоже начал роман сочинять!

* * *

Светло-желтые, прозрачные, как мед акации, лучи солнца липли к коже, к зонтикам, пальмам, фруктам в корзинках, коктейлям в высоких стаканах; лениво растекались по воде в голубом бассейне и качались на волнах отдаленно сверкавшего моря.

Вокруг бассейна стояли лежаки, покрытые мягкими, полосатыми в тон зонтам матрасами. На них блаженно раскинулись тела отдыхающих, клиентов этого отеля-люкс. Белые, розовые (обгоревшие), смуглые, иной раз черные. Кто читал, кто слушал в наушниках телефон (музыку? аудиокнигу? последний отчет своей компании?), кто спал. Но всех роднила расслабленность поз, разглаженность лиц. Люди отдыхали.

Только не Анжела. Только не сегодня. Звонок сыновей растревожил ее. Этьена Пасье она почти забыла – она хотела выбросить его из памяти, и ей это удалось. И вдруг этот неожиданный оскал прошлого, ехидный и недобрый.

Она неподвижно лежала на мягком матрасе под солнцем – загорала. Глаза закрыты, – казалось, она задремала под шум прибоя, и никто не догадается, что внутри у нее все кипит: Анжела владела собой отлично. За долгие годы натренировалась не выдавать себя, когда, лежа на пляже, сквозь щелочку в веках подсматривала за мужчинами, буквально столбеневшими при виде ее потрясающего тела. Тот (якобы) факт, что она спала, позволял рассматривать ее не

стесняясь – и восхищение, возбуждение, сквозившие в их глазах, вызывали у Анжелики почти оргастическое наслаждение.

Подсматривала она и за женщинами, бросавшими завистливые взгляды на ее фигуру. Она, в свою очередь, подмечала и застарелый целлюлит, и ранние морщины у еще вполне молодых девиц, – и торжествовала. Приближаясь к пятидесяти, она не могла не ужасаться, ощущая ледяное дыхание старости. Но не утрата здоровья пугала ее, и даже не смерть – она сокрушалась об увядающей красоте. Разумеется, все, что только выдумало человечество для поддержания молодости, она использовала постоянно, начиная от пластической хирургии и кончая различными массажами-примочками. И выглядела куда моложе всех этих целлюлитных девах, раскинувших свои дряхлеющие уже в тридцать лет тела на соседних лежаках. Что утешало.

Но в данный момент она совсем забыла и о восхищенных мужчинах, и об убогих женщинах, у которых она легко отобрала первое место. В ней клокотал неостывший гнев, который поднялся после звонка сыновей. К ним явились какие-то люди и заявили, что некий господин Этьен Пасье, гражданин Франции, хочет написать завещание в их пользу. Поскольку он уверен, что *ее, Анжелы, мальчики, – его, Этьена, сыновья!!!*

«Как он посмел! Как он только посмел позволить себе посметь! Явился через поверенных в нашу семью, претендует на отцовство! То есть фактически заявил о том, что он мой бывший любовник, что я спала с ним! А дети не должны знать подробности интимной жизни их матери! Особенно сыновья! Хуже того, я им уже указала на отца. Получается, я не знаю, от кого у меня дети?! Какая подлость! Он всю жизнь мечтал мне отомстить, я уверена. И нанес свой удар тогда, когда я не смогу ответить. Потому что он уже и так поддыхает! Сволочь. Урод. Как помирать надумал, так о сыновьях вспомнил? Захотел найти родные души, чтоб было кому цветы на гроб положить?! Э-э-э нет, ничего у тебя не выйдет, ничтожество! – кипела она. – Ты бросил меня! Прямо перед свадьбой! Беременную!»

Такого унижения Анжела не испытывала ни до, ни после. Подумаешь, увидел ее с Олегом в спорткомплексе. И что? Ну целовались, да. Это еще не доказательство измены, между прочим! И вообще, какая разница! Он не имел права ее бросить! Ее, красавицу, умницу! Даже сейчас, когда ей под пятьдесят, ни одна женщина не сравнится с ней. Точеный носик, великолепно очерченный рот, яркие темные глаза, густые выющиеся волосы – да она сама не могла насмотреться на себя в зеркало! Грудь, талия, бедра – все как на картинке! Боженька щедро наградил свою любимицу. А уж она этот подарок берегла и лелеяла. Ведь ее красота – это не просто так, полюбоваться, как на бесполезную картину в музее, – о нет, это ядерное оружие! Не было такого мужчины, который устоял бы перед ней. А уж в сочетании с умом, чувством юмора, образованностью... Французы краснели и смущались как двоечники, когда она блистала знанием их родной литературы! Она цитировала Вольтера, Бальзака, Марселя Пруста – а они только глазами хлопали. Кто бы сомневался: ведь она выбирала в объекты приложения своих чар мужчин, делающих деньги, – какая уж тут литература. Но перед красоткой русской, великолепно владеющей их языком и разбирающейся в литературе лучше них самих, они не просто смущались – они падали ниц.

А он, Этьен, посмел ее отвергнуть. Унизить, бросить, как дешевку. Назвать лгуней. Ну да, она в тот момент точно не знала, от кого залетела. Это когда мальчики родились, тогда уж все сомнения отпали: один из них был со всей очевидностью похож на Этьена. Но ведь он тоже не мог быть уверен, что дети не от него! И при этом посмел бросить ее!!!

Анжела даже застонала при этих воспоминаниях. И тут же открыла глаза: рядом шевельнулся муж.

– Что с тобой, милая? – спросил новобрачный, и его рыхлое тело нависло над ней. Глаза смотрели обеспокоенно и влюбленно.

– Ничего, милый. Сон приснился, я задремала, представь.

Она слегка потеряла веки, для большей убедительности.

– И я заснул, – улыбнулся Антон. – Тут хорошо. Правда, милая?

– Конечно. Ты у меня такой молодец, выбрал лучшее место для нашего свадебного путешествия! – Анжела потрепала его по мягкой, дряблой щеке.

Дряблость Антона была не от старости – он всего-то на несколько лет старше ее, ему чуть за пятьдесят, – а от дурного образа жизни. Много ел, много пил, мало двигался, редко бывал на свежем воздухе. Ничего, по возвращении в Москву Анжела им займется. Заставит правильно питаться, погонит в спортзал. Антон, конечно, прекрасная партия, он сказочно богат – но терпеть такую неэстетичную тушу рядом с собой Анжела не намерена. Ее платья, украшения, машины, мужчины – все, что обрамляет ее, обязано быть красивым.

Впрочем, если Антон сдохнет от обжорства, плакать она не станет. Ведь она единственная наследница его состояния. Он крепко рассорился со своими детьми – Анжела, разумеется, поспособствовала ему в этом благом начинании – и лишил их наследства. Завещание написано на нее, так что зеленый свет, может помирать.

К ним подошел официант с подносом, предложил прохладительные напитки. Но Анжела покачала головой. Смузи из фруктов – слишком кисло, потом изжога поднимется. А никакую газированную дрянь типа колы-спрайта она не признавала.

– Почему у вас все коктейли с лимоном? – капризно спросила она по-русски.

Но официант ее не понял. Анжелика повторила вопрос по-французски.

Молодой человек, смуглый и довольно смазливый, по типу внешности смахивающий на индийца, широко улыбнулся, показав очень белые зубы.

– Если мадам не желает коктейль, то мы можем предложить свежие соки, – ответил он на ломаном французском, – а также кофе, горячий шоколад, чай любого сорта, минеральную воду...

Он вызывал у нее отвращение. У нее сейчас все вызывали отвращение. Особенно мужчины.

– Воду принесите. Простую, без газа.

И она закрыла глаза, давая понять, что разговор окончен.

...А этот подлец Этьен решил небось ей, Анжеле, перед смертью показать: вот как я крут! Дети у тебя от меня, а денежки мои тебе не достались, потому что ты...

Она помнила, как он, побледнев от гнева, кричал: ты лгунья, лгунья, проклятая, продажная лгунья!

Никто, никто, никто не имеет права с ней так разговаривать!!! Он, дрянь, получит, что заслужил. Мальчики от него отвернутся. Им не нужен еще один отец. И наследство его поганое не нужно. У них в семье денег достаточно. Анжела умело шагала по жизни. Или, можно сказать, по мужчинам. Каждый осыпал ее подарками, каждый составлял на нее завещание. Каждый, кроме Этьена, сукиного сына.

А мальчики сделают, как она скажет. Сыновья с детства росли послушными. И маму свою, красавицу, принцессу, боготворили. У нее часто спрашивали, каков секрет ее воспитания. Отвечала Анжелика всегда коротко: «Не нужно потакать их капризам. Это вы ставите им условия, а не они вам!»

Она вела страницу в Инстаграме – пристрастилась в последние пару лет. Ее потрясающие фотографии привлекали подписчиков, у нее было почти десять тысяч. Мужчины, само собой, но и женщины тоже. Если первые осыпали жаркими комплиментами каждый ее новый снимок, то вторые норовили получить у нее совет. О чем только женщины не спрашивали! Даже вот о воспитании детей. Хотя Анжела никогда не претендовала на знание каких-то особых секретов успешной семьи. Люди странные: они красоту обожествляют. Им кажется, если ты красива – то и умна, и добра, и вообще воплощение мудрости. И знаешь все, и секретами счастья владеешь...

Дуры.

Этого она, разумеется, никогда своим подписчицам не говорила. Наоборот, Анжела была со всеми мила, приветлива, радушна. Как в жизни, так и в интернете она умела создать ангельский образ. Ведь Анжела – от слова «ангел»! Многие женщины так и говорили: вы ангел, просто ангел! Мужчины, те чаще называли ее богиней. Тоже хорошо.

Знали бы они, как ангел их всех презирает. Как взирает свысока, с высоты своего ангельского облака, на ничтожных людишек... Никто не мог сравниться с ней не только красотой, но и умом. Никто.

– Мадам!

Анжела приоткрыла глаза. На этот раз к ним подошла смуглая девушка в какой-то немислимой юбке из соломы. В черных кудрях алел экзотический цветок с длинным желтым пестиком. Тут все официантки так одеты, и цветки у всех в волосах, у кого красные, у кого розовые, у кого оранжевые. Типа они аборигенки.

– Вы хотели такой коктейль, чтобы не было лимона, – произнесла она по-русски с сильным акцентом. – Вот, я вам принесла «Поцелуй юного солнца». Мы специально для вас создали этот напиток с ароматами розы, граната, дикого меда...

Девушка поставила по стакану на столики возле нее и Антона. И, кланяясь, чуть не пятась задом, отошла, качая своей соломенной юбкой.

У богатства есть очень много преимуществ, с удовлетворением думала Анжелика, глядя на удаляющуюся аборигенку. Но одно из самых приятных, пожалуй, заключается в том, что люди не смеют тебя беспокоить сверх пары необходимых минут.

Она вспомнила, как в ранней юности официантка в кафе недалеко от дома, знавшая ее родителей, долго читала ей мораль, прежде чем принести заказ. И откуда у тебя, соплюшки, деньги на рестораны, и долго ты так не протянешь, кто-нибудь тебя наколет, в подоле принесешь, и мать с отцом наплачутся...

Разве теперь кто-нибудь посмел бы открыть свою вонючую пасть, чтобы читать ей, Анжеле, Ангелу, нотации?!

Антон потянулся к стакану.

– Что она сказала, девчонка в соломе? Роза, мед, что-то еще?

– Попробуй, я толком не поняла.

Антон опустошил свой стакан, похвалил напиток и снова засопел рядом с ней. К счастью, он не храпел – просто сопел. Повезло.

Анжела тоже выпила коктейль – очень приятный вкус – и вскоре задремала. И снился ей проклятый Этьен. Даже во сне ненависть клокотала в груди с такой силой, что соски ее встали торчком, и Анжела, ощутив в теле необычное возбуждение, проснулась. Чуть приоткрыла глаза. Мужчины пялились на нее со всех соседних лежаков. «Прекрасно», – мурлыкнула она, медленно и сладко потянулась, выгнув изящную спину, отчего грудь приподнялась. Ох ты ж божечки, плавки у них мгновенно надулись! Это было ужасно смешно. Словно у нее имелась палочка дрессировщика, и собачки послушно исполняли танец на задних лапках. Вот идиоты. Примитивные, тупые животные.

Собственно, тем лучше для дрессировщика... Анжела закрыла глаза и, пряча довольную улыбку, снова задремала.

День второй

– ...Без теста на отцовство? – не поверили братья.

– Да. Но в обмен на подробную информацию о вас, о вашей матери.

– Зачем ему? – настороженно спросил Даниэль.

– Еще чего! – буркнул Микаэль.

Реми поднял брови в немом саркастическом удивлении. Ксюша видела: ему не слишком симпатичны эти парни. Может, потому, что во Франции исторически не любят богатых (впрочем, в какой стране их любят?). А особенно таких, которые не своим трудом богатство заработали. Братьям же, и без того не бедным, прямо на головы вот-вот упадет огромное наследство. И это раздражает.

Ксюше казалось, что дело тут в заурядной зависти. Они с сестрой, с Александрой, выросли в семье московских интеллигентов, где в иерархии нравственных ценностей зависть являлась чувством недостойным и нездоровым. Посему малейший ее росток в душе следовало немедленно выкорчевывать. Взрослея, Ксения имела не одну возможность убедиться, как несчастны люди, позволявшие завладеть собой этому дурному чувству. И ей не нравилось, что любимый муж не гонит его из своей души. Она не раз пыталась говорить с ним на эту тему; проблема, однако, заключалась в том, что Реми никогда не признавал, что его нелюбовь к богатым связана с завистью. «Я просто не люблю несправедливость, – возражал он. – Когда я бьюсь за клиента, собирая доказательства его алиби, поскольку его могут ошибочно обвинить в преступлении, – я ведь не из зависти стараюсь, верно? А потому, что не люблю несправедливости!»

Но в данный момент Ксения просто опасалась, что неприязнь Реми, пока что выразившаяся лишь в движении бровей, может помешать им выполнить задание – то есть собрать максимум информации – и получить за работу щедрый гонорар. И она поспешила мужу на помощь.

– Постарайтесь понять: этот человек когда-то очень любил вашу маму, – мягко произнесла она. – И сейчас, перед смертью, хочет узнать, как сложилась ее жизнь, как складывается ваша. Ведь он считает вас своими сыновьями.

Братья переглянулись.

– И тогда он составит на нас завещание? – недоверчиво спросил Даниэль.

Реми кивнул.

– А какие у нас гарантии? Мы выложим ему свою личную жизнь, а он возьмет да использует эту информацию каким-нибудь образом, который нам навредит... – усомнился Микаэль, поглядывая на брата.

– И каким же это образом, по-вашему? – усмехнулся Реми. – Вы разве крупные политические фигуры? Известные на весь мир медийные персоны? И, главное, ему, умирающему, делать больше нечего, как разводить интриги против двух парней, которых он считает своими счастливо обретенными детьми?!

– Мы его видели, говорили с ним, – добавила Ксюша с тихой грустью, – и совершенно очевидно, что это последнее утешение в его жизни. От которой уже почти ничего не осталось. И господин Пасье готов щедро заплатить за утешение.

Братья всё переглядывались и молчали. Ксюша тихо переводила Алексею содержание короткой беседы, так как все говорили по-французски.

– Ребята, – выслушав перевод, вступил Алексей, – не тяните резину. Ваша мать была против теста на отцовство? Так теперь его делать не надо! Человек при смерти; верит, что вы его дети; при этом никак на вас не давит, просто хочет узнать о вас побольше. А вы в обмен получаете миллионы.

– Миллионы?.. – произнес Микаэль с какой-то непонятной интонацией, то ли сомнения, то ли задумчивости.

– Прошу заметить, – холодно произнес Реми, – вас ни к чему не принуждают. Есть условие, есть цена за его выполнение. Да – да, нет – нет.

– Решайте, – подхватила Ксения. – Мы прилетели на неделю, из которой уже два дня прошли.

Она блефовала. На самом деле Этьен Пасье в сроках их не ограничивал, билеты они взяли с открытой датой. Но если братцев не подстегнуть, они и за месяц не примут решение. А Этьену Пасье этот месяц – вся жизнь.

Реми понял ход жены.

– Дадим вам сутки на размышление, – произнес он. – Завтра снова соберемся тут, если вы захотите выполнить просьбу умирающего. Или приходите к нам в отель. А если нет, то просто пришлите смс-сообщение.

Неожиданно раздался звонок в дверь. Микаэль открыл. В проеме детективы увидели вчерашних девушек из третьей квартиры. Они что-то восклицали и тыкали в часы. Наконец Микаэль впустил их в гостиную.

– Это наши сестры, – сдержанно пояснил он. – Люся и Лида.

Сыщики кивнули в знак приветствия, девушки улыбнулись в ответ и сели на один из диванов.

– Сестры?.. – полувопросительно произнес Реми.

– У нас общий отец, – говорил по-прежнему Микаэль, Даниэль молчал. – Извините, господа, время записи в студии сдвинулось, нам надо срочно ехать на съемки. Девочкам тоже, они играют в нашем сериале... Да, давайте завтра. Приходите лучше опять к нам, а то в холле отеля будут посторонние люди... К чему нам лишние уши?

– То есть вы согласны?

– Ну, в общем, пожалуй... А до какой степени подробно следует рассказывать? Возможно, в нашей жизни были события, о которых не хочется вспоминать. И, само собой, говорить. Тогда что?

– Господин Пасье не давал никаких указаний на этот счет, – ответил Реми.

– Просто опишите, как сложилась жизнь, – добавила Ксения. – Знаете, бывает, разговорись случайно в дороге с малознакомым человеком... Ну вот как-то так.

На лице Микаэля отобразилось сомнение. Ему явно не приходилось откровенничать с посторонними. Однако Даниэль кивнул: понятно, мол.

– А если Этьен Пасье захочет что-либо уточнить, он спросит, – добавила Ксения. – Сценарии к сериалам вы не сами пишете?

– Нет. К чему такой вопрос?

– Вы наверняка знаете, что бывают сценарии, где все мало правдоподобно. Постоянно какие-то рояли в кустах. Будете вы что-то скрывать или даже сочинять – дело ваше, но имейте в виду: Этьен Пасье сказал, что ненавидит ложь. И – это мое личное мнение – если ваш сценарий окажется неубедительным, он может и передумать насчет наследства.

– Да нам скрывать нечего, – простодушно улыбнулся Даниэль. – Брат мой просто так спросил, из любопытства.

– Тем лучше. Надеюсь, завтра время для нашей встречи невзначай не сократится? – несколько сухо поинтересовался Алексей Кисанов.

Ему показалось, что братья нарочно прервали их беседу, воспользовавшись приходом сестер: они были ошарашены услышанным, и им требовалась пауза, чтобы все осмыслить. Или чтобы доложить мамочке и посоветоваться, кто их знает.

– Ох, нет, конечно, нет! – воскликнул Даниэль. – Наоборот, завтра у нас будет побольше времени, репетиции начнутся позже. Извините, что так вышло. Завтра, на том же месте в тот же час, лады?

Сыщики решили воспользоваться неожиданно освободившимся временем, чтобы пообедать с Александрой. Ресторан выбрала она, и Алексей повез гостей к месту встречи. Реми беспрестанно крутил головой от одного окна машины к другому.

– Как Москва изменилась с тех пор, когда я тут был в последний раз!

– Вместе мы сюда приезжали... – Ксения чуть подумала, – три года назад. А я езжу каждый год. И, можешь мне поверить, она хорошеет с каждым месяцем.

– И как чисто, – не уставал удивляться Реми. – Я, кажется, никогда не видел такого чистого города.

– А какая еда у нас, а? – гордился Кис. – Сейчас увидишь, Сашка выбрала классный ресторан, там кухня не хуже, чем в Париже.

– Я не хочу, как в Париже, – заявил Реми. – Я хочу русскую кухню! Вы что! Французская у меня и так каждый день дома. Бефстроганофф хочу, Кис! Киев-котлетт! – Реми старался произнести названия блюд по-русски. – Пельмень в горшочке!

– Пельмени, – поправила мужа Ксения.

– И это, как его, шиш... – он посмотрел на жену.

– Шаш... – подсказала она.

– Шашлик!

Букву «Ы» не выговаривает, кажется, ни один европеец.

– Позвони Саше, пусть другой ресторан найдет, с русской кухней! – капризничал Реми.

– Ну чисто дите малое, – усмехнулся Алексей, открывая телефон. – Не плакай, бэби, это не проблема, сейчас все переиграем... Саш? Слушай, тут такое дело: мы хотим русскую кухню!

К счастью, ресторанов в Москве столь много, что искомое заведение нашлось всего в трех минутах ходьбы от первого адреса. Так что был Реми и шашлик, и пельмень в горшочке.

После обеда Реми с Ксенией отправились гулять по городу, а Алексей к себе в офис. Договорились встретиться, как вчера, в конце дня в баре отеля.

У него было не особо сложное дело по поиску сбежавшего из дома подростка. Парнишку Кис уже нашел, теперь следовало написать отчет. Однако в голову лезли мысли о семействе Багириных-Дюваль.

Сегодня утром он получил результат генетического теста. Без сюрпризов, Этьен Пасье являлся их отцом. Любопытно бы узнать, кто-нибудь из братьев проверял их родство с, как его, Олегом Николаевичем? Тем более что им на голову свалились как бы сестры. Неужто удержались?

Но если сделали тест, то знают: девицы эти им вовсе не родня. А ведут себя так естественно... Или парням в голову не пришло, что мать могла их обмануть? Они к ней с таким пиететом относятся...

Хотя и сама Анжела могла «добросовестно заблуждаться», как говорят юристы.

Допустим. Ведь в ту пору не существовало тестов на отцовство. Но Даниэль достаточно похож на Этьена Пасье, чтобы развеять ее сомнения. Да и когда спустя чуть не тридцать лет Олег Николаевич объявился, умирающий, и заявил о своих дочерях, которые приходятся как бы единокровными сестрами Микаэлю и Даниэлю, – неужто Анжела не проверила?

А если проверила, то убедилась, что никакие они не сестры.

Тогда почему согласилась принять их в свою семью?! И пристроить их под бочок (тепленький такой бочок: актерками в сериале!) своим горячо любимым мальчишам?

Может, ей хотелось показать сыновьям раскаявшегося отца? Как-то заполнить пустое место в биографии и душе. Так детям врут, что их отец – героически погибший моряк/летчик... В то время как он был просто алкашом, бросившим семью.

Или это ее запоздалая месть Этьену Пасье? Мол, ты отказался от моих детей – а я тебе нашла замену?

Не найти света в потемках чужой души.

Вечерний брифинг детективов в баре отеля оказался коротким. Алексей доложил о результатах теста, которые уже никого не удивили. Удивляло сыщиков другое: появление Олега

Николаевича, да к тому же с дочерьми, в семье Багириных-Дюваль. Однако пока у сыщиков (о-о-о, будемте политкорректны: двух сыщиков и одной сыщицы!) не возникло гипотезы, способной эту странность объяснить.

Впрочем, к их задаче это отношения не имело.

Но ровно до тех пор, пока Реми не обрисовал ситуацию заказчику. Как и следовало ожидать, Этьен Пасье был счастлив услышать, что братья согласились поведать об основных вехах своих биографий – но, с другой стороны, неприятно изумлен тем, что Анжела всучила его сыновьям мнимого папашу. И тут в задачу сыщиков вписалось поручение разузнать побольше об Олеге Николаевиче. Тот ли это тип, с которым Анжелика почти тридцать лет назад целовалась у входа в спорткомплекс? Имела ли она с ним связь всю свою жизнь – или он и вправду возник недавно? Потребовал Этьен разузнать и максимум о девушках. Как жили раньше и как живут теперь – с «братьями».

«Похоже, – подумал Реми, – Этьен неожиданно ощутил себя отцом, который вправе знать о своих детях все. Запоздалая радость...»

День третий

На низком столике стояли маленькие чашки с кофе – хорошим, судя по запаху и пышной пенке, – и вазочка с выпечкой.

– У меня есть две новости, – объявил Реми, когда все уселись. – Одна из которых условно хорошая: господин Пасье позволил озвучить сумму его наследства.

Он выдержал паузу, наслаждаясь нетерпением, загоревшимся в глазах братьев и даже сестер.

– Двадцать восемь миллионов евро, не считая недвижимости! – торжественно провозгласил он.

Девушки тихо ахнули; братья подавили восклицания, лишь переглянулись.

– А вторая новость плохая? – спросил Даниэль.

– Нет. Просто деловая. Господин Пасье просит добавить к вашему жизнеописанию еще и фотографии, – чуть усмехнулся Реми. – Вашей матери, сестер, квартир...

– *Квартир...* Почему во множественном числе? – удивился Микаэль.

– Потому что всех. И ваших, и жильё девушек, и даже квартиру мадам Анжелы... – Реми заглянул в свой телефон, – Анжелы Эдуар...

– Эдуардовны, – помогла Ксюша. – Реми, не мучайся с отчествами, все и так знают, о ком речь.

– Я просто хотел быть вежливым по-русски, – смущенно улыбнулся тот. – В общем, фотографии всей семьи.

– Да зачем ему?! – недовольно воскликнул Микаэль.

– Господин Пасье объяснений не дал. Возможно, с его точки зрения, двадцать восемь миллионов сами по себе отличное объяснение.

– Послушайте, ну это же понятно, – встряла Ксения, – человек не может приехать, вас увидеть, с вами познакомиться, поэтому старается представить, вообразить вашу жизнь. Включая интерьеры, в которых эта жизнь течет. Но вам решать, конечно, согласны ли вы.

– Иначе миллионов нам не видать?

– Вопрос так не формулировался... А там как знать.

– То есть он желает получить фамильную сагу с иллюстрациями, – хмыкнул Микаэль.

– Совершенно верно, – хмыкнул Реми ему в тон.

– Хорошо, давайте не будем терять время, – покладисто кивнул Даниэль. – Хотя с чего сагу начать, я толком не знаю.

– Все истории жизни начинаются с рождения, – улыбнулся Реми.

– С рождения так с рождения. И так...

– Секундочку. Вы не возражаете, если я буду снимать наш разговор на телефон? – спросил Реми.

Братья переглянулись и синхронно кивнули. Девушки никак не отреагировали, но это и понятно: вопрос не им был адресован.

– Отлично. И так, вы родились в Москве. Я видел в интернете, там о вас есть информация.

– Да, и жили тут, пока не уехали во Францию. Когда мы родились, к нам бабушка переселилась из Воронежа. Мама часто уезжала по делам, бабушка оставалась с нами.

– Скучали по ней? – с долей сочувствия спросила Ксюша.

– Конечно, скучали. Зато из командировок мама всегда привозила нам чудесные подарки, – улыбнулся Микаэль.

– А где она работала? – поинтересовалась Ксюша.

– Даже не знаю, – растерялся Даниэль. – Ты не помнишь, Мика?

– Переводчицей, наверное. Мама ведь закончила иняз. С красным дипломом, между прочим.

Это не отвечало на вопрос «где работала?». Но никто настаивать не стал.

Возможно, командировками Анжела называла свои разъезды, подумал Реми. Только вряд ли по работе. Скорее всего, усиленно искала выгодную партию.

– Отца нашего мы не знали, мама нам сказала лишь одно: он отказался от нас, когда мы были еще эмбрионами. Поэтому она больше никогда с ним не общалась. Так что на все наши детские вопросы отвечала «не знаю». Даже имя его никогда не называла. Когда нам было лет шесть, да, Мика? – продолжал Даниэль. – Мама вышла замуж за какого-то дядю Валеру, Валерия Николаевича. Или Михайловича?

– Михайловича, – подтвердил брат.

– Фамилию не помните? – спросил Алексей, которому Ксюша нашептывала перевод на ухо.

Он искал зацепку, чтобы подобраться к каким-нибудь официальным документам и разузнать об Анжеле Багировой-Дюваль побольше. Имелся бы в его распоряжении ее паспорт, он бы выудил уйму инфы из интернета. А в отсутствие паспорта придется собирать информацию обходными путями.

– Нет, – дружно ответили братья.

– Да вряд ли мы ее слышали, – добавил Микаэль. – Детям ведь взрослых по фамилии не представляют. Да и самого Валерия Михайловича мы видели редко, он почти не приходил к нам, а к себе пригласил только один раз. Огромный дом, богатый, в Подмосковье. Там, помню, было очень много мебели под старину. И совершенно пусто, только он, мама и мы. Я спросил дядю Валеру, кто в этом доме еще живет. Он сказал, что никто. И еще я спросил: «А мы можем тут жить все вместе?» Я забыл, как он ответил, но мы там не только не стали жить, но больше туда никогда не приезжали.

«Возможно, мужик состоял в браке, а Анжела была его любовницей? В день приезда пацанов семья отсутствовала, потому что уехала в отпуск, к примеру...» – подумала Ксюша.

– Вскоре мама с ним рассталась. Во всяком случае, она снова стала жить с нами. Правда, уже на новом месте: тогда первые новостройки появились, и мама купила хорошую квартиру, где у каждого была своя комната: и у нас с братом, и у бабушки. Ну, у мамы, конечно, тоже. И еще общая комната, самая большая, гостиная, где мы собирались по вечерам, смотрели телик, иногда играли... – улыбнулся воспоминаниям Даниэль, а за ним и брат. – Так весело было переезжать в нее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.